

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Джеймс Оливер
Кервуд

ЗАКОН
ВЕЛИКИХ
СНЕГОВ

«АЗБУКА»

Мир приключений. Большие книги

Джеймс Оливер Кервуд

Закон великих снегов

«Азбука»

2026

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кервуд Д.

Закон великих снегов / Д. Кервуд — «Азбука», 2026 — (Мир приключений. Большие книги)

ISBN 978-5-389-34158-6

Джеймс Оливер Кервуд, американский писатель, охотник, путешественник и натуралист, был одним из первых, кто ввел в приключенческую литературу образ канадского конного полицейского – всадника в красном мундире и широкополом стетсоне, хорошо знающего не только букву закона, но и неписанные правила выживания на суровом Севере. Именно этот романтический образ объединил произведения, вошедшие в настоящую книгу. «Филип Стил». Сын богатых родителей, переживая разочарование в своей первой любви, уезжает на север Канады и вступает в ряды Королевской конной полиции. В этом суровом краю ему предстоит преодолеть много трудных дорог, обрести друзей и врагов и новую любовь. «Закон великих снегов». Бродячий скрипач, неизвестно откуда появившийся в охотничьем лагере на озере Бейн, становится другом овдовевшего траппера Джона Камминса. Их связывает память о прекрасной Мелиссе, жене Камминса, и забота о его крохотной дочурке. Двум мужчинам непросто растить малышку в северной глуши, но Джон не в силах покинуть землю, где похоронена его любовь. А в прошлом скрипача скрыта своя тайна. «Изабель». Сержант Королевской конной полиции Уильям Маквей вынужден оставить своего заболевшего товарища в хижине посреди арктической глуши и в одиночку преследовать беглого убийцу. В дороге он встречает женщину, которая везет на собачьей упряжке гроб своего мужа. Билли решает помочь ей, не подозревая, что преследуемый им преступник намного ближе, чем предполагалось. «Золотая петля». Офицер Королевской конной полиции Филип Рейн преследует в северных пустошах загадочного «волчьего пастыря» Брэма Джонсона, обвиняемого в нескольких убийствах. Странный ловчий силлок, сплетенный из золотистых женских волос, интригует Филипа и подбрасывает ему новую загадку – загадку женщины, занимающей особое место в жизни Джонсона. В издание также вошли избранные рассказы Кервуда

и иллюстрации американских художников: Гейла Хоскинса, Фредерика Ремингтона, Луи Бомбледа, Говарда Пайла и других.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-34158-6

© Кервуд Д., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Филип Стил	8
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	30
Глава VI	35
Глава VII	43
Глава VIII	51
Глава IX	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джеймс Оливер Кервуд
Закон великих снегов

Романы, рассказы.

Иллюстрированное издание

James Oliver Curwood

STEELE OF THE ROYAL MOUNTED.

THE HONOR OF THE BIG SNOWS.

ISOBEL: A ROMANCE OF THE NORTHERN TRAIL.

THE GOLDEN SNARE

© В. А. Гришечкин, перевод, 2026

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026

© Е. С. Петрова, перевод, 2026

© И. В. Иванченко, перевод, 2026

© З. А. Смоленская, примечания, 2026

© Издание на русском языке, оформление

* * *

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Джеймс Оливер Кервуд

ЗАКОН
ВЕЛИКИХ
СНЕГОВ

Санкт-Петербург

Филип Стил

Северо-западная королевская конная полиция

Моей жене

Глава I

Письмо с ароматом гиацинта

Перо Филипа Стила уверенно бегало по бумаге. Он писал письмо, которое, возможно, никогда не отправит, но сам процесс каким-то образом помогал ему справиться с гнетущим ощущением одиночества.

Снаружи беснуется ветер. С озера, словно шрапнель, налетают тяжелые снеговые заряды, и кажется, будто нынешней непроглядной ночью все демоны, населяющие эту дикую, безлюдную местность, проснулись, чтобы сровнять с землей мою срубленную из толстых бревен хижину. Честно говоря, в такую ночь, когда вокруг только холодная пустыня, а над головой визжит и воем стремительно несущийся воздух, нелегко быть одному, без человеческого общества. Даже сквозь стены мне слышно, как грохочет о скалы прибой, как бьется о камень плащик. Так и кажется, будто тысячи осадных таранов силятся взломать мою дверь. Такая ночь напугает кого угодно! И даже когда напор стихии немного ослабевает, кроны высоких сосен над моей крышей скрипят и воют, распрямляясь после ударов урагана.

Завтра все здесь будет покрыто снегом. Отсюда до Гудзонова залива, от залива до арктических областей все оденется белым покрывалом, и там, где сейчас яростно ревет ветер и летит ледяная крупа, наступит бесконечная тишина – великое безмолвие, которое воспитывает суровых, скупых на слова северян. Это, впрочем, слабое утешение, во всяком случае сегодняшней ночью. Вчера я обнаружил в ларе с мукой мышь и прикончил ее. Теперь я об этом жалею, – должно быть, шум и свист ветра выгнали зверька из гнезда, чтобы он составил мне компанию.

Впрочем, все было бы не так плохо, если бы не череп. За последние полчаса я трижды протягивал к нему руки, собираясь снять его с полки над очагом из нетесаного камня, в котором пылают сосновые дрова. И каждый раз я отступал и сидел, дрожа, в кресле-кровати, которое своими руками сделал из стволов молодых деревьев и шкуры карибу. Это человеческий череп. Еще совсем недавно человек этот был живым, он говорил, смотрел, думал, и это тревожит меня больше всего. Все было бы иначе, будь это старый череп, но нет – череп довольно свежий. По временам в его пустых глазницах мне мерещится жизнь, хотя, скорее всего, это просто мрачные отсветы пламени, пляшущего на просмоленных поленьях. А еще мне кажется, что в пустоте под сводом черепа живет былая страсть, разбуженная безумием сегодняшней ночи. Уже не раз я раскаивался, что оставил череп у себя, но сегодня я сожалею об этом с особенной силой.

Как воеет ветер над крышей, как стонут и скрипят сосны! В дымоход то и дело проваливаются целые сугробы снега, и каждый раз я вздрагиваю, словно

сам дьявол вырывается из очага в клубах пара, заслоняя от меня белеющий на полке череп. Я не могу даже лечь в постель и попытаться заснуть – это совершенно бессмысленно, ибо я знаю, какими будут мои сны. Сегодня ночью мне будет сниться череп. А еще я увижу перед собой лицо – женское лицо...

Дописав последние слова, Филип с нервным смешком поднялся с кресла и пробормотал нечто весьма похожее на проклятие, совершенно заглушенное, впрочем, неистовством бури. Скомкав листок бумаги в кулаке, он швырнул его в очаг, который только что описывал.

– Будь оно все проклято, так не пойдет! – воскликнул Филип, возвращаясь к своей давней привычке разговаривать с самим собой вслух. – Не пойдет, Стил, заberi тебя дьявол!.. Ты стал слишком нервным и сентиментальным. Еще немного – и ты попросишься домой, к мамочке! Проклятье, ну и ночка!

Он повернулся к очагу, в который свалилась еще одна порция снега. Огонь зашипел и пригас, комната наполнилась паром.

– Надо было разжечь плиту, – пробормотал молодой человек, набивая трубку. – Но мне казалось, что с очагом будет уютнее. Спаси нас, Господи, что творится!..

Засунув руки глубоко в карманы, он принялся расхаживать из стороны в сторону по тесаному бревенчатому полу, выпуская изо рта клубы табачного дыма. Редко когда черты Филипа производили неприятное впечатление, но сейчас все свойственное ему природное добродушие куда-то исчезло. У него было мужественное худое лицо с решительным подбородком и ясными серо-стальными глазами, которые начинали странно блестеть каждый раз, когда его взгляд невольно устремлялся туда, где на полке над очагом белел череп. Впрочем, довольно скоро Филип оторвался от разглядывания черепа и повернулся к грубому дощатому столу, освещенному фитилем из скрученной хлопчатобумажной ткани, на три четверти погруженным в жестянку с жиром карибу. В тусклом мерцании этого примитивного светильника видны были два лежавших на столе письма во вскрытых, засаленных конвертах, которые днем раньше доставил ему из Нельсон-Хауса¹ индеец. Первое письмо было коротким и сугубо деловым. Это был приказ штаба Северо-западной королевской конной полиции, который предписывал Филипу без промедления отправиться на озеро Бейн, в сотне миль к северу, чтобы присоединиться там к некоему Баку Ному.

Второе письмо Филип уже раз двадцать брал в руки, с тех пор как конверт доставили сюда, в безлюдный, пустынный край, за триста миль от ближайших форпостов цивилизации. Оно состояло из полудюжины исписанных женским почерком страниц, от которых исходил едва уловимый, сладкий запах гиацинта. Именно этот запах со вчерашнего дня не давал ему покоя, внушая смутную тревогу и заставляя часто вспоминать о родных краях. Вдыхая его, Филип снова и снова возвращался мыслями к предметам и временам не столь давним, когда он был частью мира, откуда пришло письмо, – мира, в котором, казалось, было все, чего только можно желать. И в одной мгновенной вспышке представились ему картины прошлых дней, когда он, мистер Филип Стил, сын банкира-мультимиллионера, был одним из немногих счастливицков, принадлежавших к избранному обществу большого города. Перед ним были открыты двери престижных клубов, ему улыбались прекрасные женщины, среди них была она – та, которая готова была отдать ему свое сердце и которая написала пахнущее гиацинтом письмо.

Сердце?.. Было ли это желание искренним, или ее манило только его богатство?..

Филип негромко рассмеялся, и его крепкие белые зубы блеснули в полутьме, когда он снова повернулся к огню. Не выпуская письма из рук, он снова сел и задумался о людях, которых когда-то знал. Что стало с Джеком Муди, гадал он, стариной Джеком, учившимся в одном

¹ Нельсон-Хаус – город в канадской провинции Манитоба. Ранее на этом месте располагался торговый пост Компании Гудзонова залива. – *Здесь и далее примеч. перев.*

с ним колледже, который любил обладательницу гиацинтовых духов всей своей большой, честной душой, но не получил ни полшанса, потому что был беден? Где теперь Уиттмор, молодой биржевой маклер, чьи надежды рухнули, когда он обанкротился и остался без гроша? Что случилось с Форднеем, который отдал бы ради этой женщины десять лет жизни? Да и с полудюжиной других мужчин, имена которых Филип мог бы припомнить без особого труда?

Ее сердце!.. Филип снова рассмеялся и поднес письмо к лицу, так что аромат духов стал сильнее. Как она его соблазняла, как заманивала! В тот памятный вечер на балу у Хокинсов он едва не поддался. В очаге трещали дрова, над дымоходом завывал ветер, и Филип прикрыл глаза, представляя себе эту женщину такой, какой видел ее в тот день, вспоминая ее невероятную красоту, ее чарующий голос. Ее волосы, ее глаза действовали на него, как крепкое вино, заставляя кровь кипеть. И вся эта красота могла бы принадлежать ему – до сих пор могла. Даже сегодня, если бы он послал ей весточку из сердца этой дикой пустыни, если бы написал несколько строк...

Молодой человек резко выпрямился, словно очнувшись от грез. Смял в кулаке страницы письма и бросил в огонь – все, за исключением последней, на которой стояла подпись. Эту страницу он некоторое время пристально разглядывал, словно начертанное на ней имя могло послужить ответом на невысказанный вопрос, а потом отложил в сторону. Еще несколько минут он обонял сладостное благоухание гиацинта. Наконец оно перестало ощущаться, и Филип машинально потянул носом, но уловил только запах дыма и смолы и поднялся со смешком, означавшим возвращение к прежнему состоянию духа. Сложив последнюю страницу письма, он спрятал ее в свой походный мешок и стал снова набивать трубку.

Не раз и не два Филип Стил говорил себе, что родился с опозданием на одно или два столетия. Он даже признавался в этом некоторым своим друзьям, но они только смеялись над его словами. Однажды вечером Филип поделился своими мыслями с женщиной – любительницей гиацинтов, но и она назвала его чудачком. И все же в глубине души он твердо знал, что не похож на других и что в его жилах течет кровь давно ушедших поколений, живших в те времена, когда главным богатством настоящего мужчины считались храброе сердце и сильные руки, а не трастовые фонды и облигации, когда еще не угас окончательно дух романтики и авантюризма. В колледже Филип избрал для себя специальность гражданского инженера, полагая, что это позволит ему побывать в диких, необустроенных землях. После выпуска он на целый год отправился с картографической экспедицией в дебри Центральной Америки, чем навлек на себя гнев родни. Именно этот год сформировал характер Филипа. Из экспедиции он вернулся загорелым, как ацтек, великодушным, трезво мыслящим молодым человеком, ненавистником больших городов с их развлечениями и изнеживающей обстановкой, для которых он когда-то был рожден. Отцовские миллионы были ему теперь не нужны – он даже не думал о них, словно их не существовало вовсе. Огромное состояние принадлежало ему по праву, но Филип так и не нашел применения средствам, которые накапливались на его счетах. Вскоре он отправился в очередную экспедицию, на сей раз в Бразилию, а когда вернулся – встретил благоухавшую гиацинтами девушку. Не сразу сумел он разорвать цепи, которые так крепко держали и Муди, и Форднея, и Уиттмора, но ему это удалось, и тогда он вновь посвятил свою жизнь приключениям и путешествиям.

На этот раз Филип «заболел» Севером. На бескрайних снежных просторах, среди равнин и лесов, протянувшихся от Гудзонова залива до диких краев Атабаски, он встретил очень мало людей и очень много романтики и тайн, которые словно вернули его в прошлое, накрепко соединив с упокоившимися во прахе поколениями отважных пионеров-первопроходцев. И в один прекрасный день подтянутый, атлетически сложенный молодой человек прибыл в Реджайну², чтобы служить в Северо-западной конной полиции. За первые полтора года

² Реджайна – город в Канаде, административный центр провинции Саскачеван.

службы он сумел несколько раз отличиться и добился перевода на Дальний Север, где преследование преступников и бандитов превращалось в увлекательную игру, в схватку один на один на просторах сурового и безмолвного заснеженного мира. И никто – даже та, что написала пахнущее гиацинтами письмо, – не мог хотя бы представить себе, что рядовой Ф. Стил из Северо-западной конной полиции – на самом деле небезызвестный Филип Стил, владелец миллионного состояния и благородный искатель приключений.

Никто не мог оценить заключенную тут иронию лучше самого Филипа. Подкладывая в очаг очередное полено, он от души рассмеялся, гадая, что сказали бы его изнеженные друзья (и в особенности прелестница, приславшая ему письмо на надушенной бумаге), если бы увидели его сейчас, увидели ту жалкую обстановку, в которой он жил. Не спеша, почти с удовольствием Филип разглядывал толстые шерстяные носки, которые повесил просушиться поближе к огню, пропитанные жиром карибу потрепанные мокасины и единственный комплект нательного белья, который он выстирал после ужина и повесил к потолку и который теперь исходил паром, напоминая в полутьме очень худого, безголового человека. В хижине вообще было довольно темно, и лишь один-единственный предмет сиял во мраке незапятнанной белизной – человеческий череп на полке над очагом. Когда взгляд Филипа упал на него в очередной раз, его лицо помрачнело, а губы сжались, но уже в следующую секунду, повинаясь внезапному порыву, он потянулся к черепу и, взяв его в руки, некоторое время держал так, чтобы огонь как можно лучше освещал печальную реликвию. С левой стороны, на уровне глазницы и чуть выше уха, в черепе зияло отверстие диаметром с небольшое яйцо.

– Значит, мне приказано присоединиться к Ному? К человеку, который виновен вот в этом, да?.. – пробормотал Филип, ощупывая пальцами неровные края проломленной кости. – Да, мсье Дженнет, за то, что произошло тогда в Нельсон-Хаусе, я мог бы его убить. И когда-нибудь я, возможно, действительно это сделаю.

Он вытянул руку перед собой, удерживая череп на уровне своего подбородка.

– Неплохой из меня Гамлет, – с пафосом проговорил Филип. – А впрочем... не бросить ли мне вас в огонь, мсье Дженнет? Вы начинаете действовать мне на нервы.

Он, однако, передумал и положил череп на стол.

– Нет, я вас не сожгу, – сказал он негромко. – Раз уж я притащил вас с собой в эту глушь, значит нам придется быть вместе и дальше. Пожалуй, упакую-ка я вас в мешок – поедете со мной на озеро Бейн. Однажды утром я преподнесу вас Баку Ному на завтрак, и тогда, мсье... Тогда поглядим, что будет.

В тот же вечер, некоторое время спустя, Филип написал несколько слов на листке бумаги и прикрепил с внутренней стороны к входной двери. Для всех, кто по его примеру отправится в далекую снежную пустыню, в листке содержались важная информация и совет:

ВНИМАНИЕ!

Эта хижина и все, что в ней есть, оставлено мной. Набивайте брюхо – но не карманы!

Ф. Стил, Северо-зап. конная полиция

Глава II

Лицо в ночи

На озеро Бейн, где располагалась фактория Компании Гудзонова залива, Филип Стил прибыл семь дней спустя, после сильного бурана. Пока он оттаивал перед огромной плитой в просторном и пустом магазине компании, торговый агент Брид делился с ним последними новостями. Одна из них заключалась в том, что некий полковник Беккер с женой выехали из Форт-Черчилла, стоявшего на берегу Гудзонова залива, с намерением побывать на озере Бейн. Вторая новость гласила, что неделю назад Бак Ном отправился на запад и до сих пор не вернулся. Брид был весьма обеспокоен, но волновало его не столько затянувшееся отсутствие Нома, сколько предстоящий визит полковника с женой. Как говорилось в письме, которое прислал ему агент в Черчилле, полковник Беккер, прибывший из Лондона на последнем в сезоне грузовом пароходе, был довольно пожилым джентльменом и занимал высокий пост в компании. На озере Бейн у него якобы не имелось никаких дел; официальная версия гласила, что полковник намерен провести здесь отпуск, поскольку ему давно хотелось посмотреть, как живут люди в краях, куда еще не добралась цивилизация.

Лицо Брида, окаймленное седоватой бородкой, выглядело на редкость несчастным.

– Не понимаю, почему полковника не направили в Нельсон-Хаус или в Йоркскую факторию? – настойчиво спрашивал он Филипа. – В Нельсоне есть и пуховые перины, и три женщины, к тому же тамошний агент – человек образованный, не мне чета. А здесь нет ничего, даже женщин.

При упоминании о женщинах из Нельсон-Хауса Филип пожал плечами:

– Теперь их осталось только две. После того как Баки Ном побывал в Нельсоне, одна из них отправилась с ним на юг.

– Ну, две так две, – отозвался Брид, не заметив огонька, вспыхнувшего в глазах собеседника. – Говорю тебе, Стил: на озере Бейн нет ни одной женщины, даже туземки! Всю еду нам готовит этот грязный индеец Джек, из племени кри. Буквально на днях я застал его за тем, как он замешивал тесто в тазике для умывания, а ведь лепешки, которые он печет, я ем с тех пор, как все наши охотники отправились ставить капканы. Здесь вообще никого нет, кроме тебя, Ном, двух кри, одного метиса и меня, и так будет до середины зимы, когда начинается сезон скупки мехов. Что, ради всего святого, будет делать здесь старая полковничиха?

– Надеюсь, хотя бы кровать для нее найдется?

– Только топчан, жесткий как камень.

– А как с провизией?

– Очень, очень плохо! – простонал агент. – Осенью эти сукины дети, трапперы, скупили все продовольствие. На складах почти ничего не осталось – только бобы, мука, сахар, сухофрукты и мясо карibu, от одного запаха которого меня наизнанку выворачивает. Да я отдал бы месячное жалованье за фунт свинины! А теперь взгляни на это письмо... Если его писала не леди из высшего общества, можешь разрезать меня на куски. И я готов биться об заклад: полковничиха написала его для своего муженька.

Из внутреннего кармана Брид извлек белый квадратный конверт со сломанной сургучной печатью и, достав оттуда сложенный листок кремовой бумаги, протянул Филипу. Молодой человек взял листок в руки и вздрогнул от внезапного предчувствия. Он еще не успел прочесть первую строчку, но уже почувствовал исходящий от бумаги знакомый аромат. И дело было не только в запахе. Письмо, которое он сжег неделю назад, было написано на точно такой же бумаге, написано таким же изящным, красивым почерком. Филип даже не пытался сдержать сорвавшееся с его губ удивленное восклицание. Когда же он поднял глаза, то увидел, что Брид пристально на него смотрит.

– Чертовски странное совпадение, дружище, – промолвил Филип, кое-как взяв себя в руки. – Я почти готов поклясться, что мне знаком этот почерк, но это, разумеется, невозможно. И все-таки это очень, очень странно. Ты не против, если я оставлю письмо у себя... хотя бы до вечера? Я возьму его к себе на квартиру и сравню с...

– Можешь вообще его не возвращать, – перебил агент. – Надеюсь, за ужином ты расскажешь, что тебе удалось выяснить. Кстати, мы здесь ужинаем ровно в пять. Ну а если вдруг выяснится, что ты знаком с полковником и его супругой, это будет просто редкостной удачей.

Десять минут спустя Филип был уже в небольшой хижине, где он и Ном жили, когда оказывались на озере Бейн. Индеец Джек развел в жестяной печурке сильный огонь; и, когда Филип отворил дверцу топки, на стенах домика, разгоняя сумрак раннего зимнего вечера, заплясали отблески пламени. Придвинув стул поближе к свету, Филип снова развернул письмо. Он внимательно рассматривал строку за строкой, слово за словом, чувствуя, как с каждой секундой в нем нарастает странное умственное возбуждение, объяснить природу которого он был не в силах. Как гласило письмо, полковник Беккер и его супруга прибыли в Черчилл на борту английского парохода чуть больше месяца назад. Между тем Филип хорошо помнил, что на послании, которое он сжег, стояла дата полуторамесячной давности, следовательно, когда оно было написано, полковник и его жена либо все еще находились в Лондоне или в Ливерпуле, либо уже плыли через Атлантику. Какими бы похожими ни выглядели два письма, их не мог написать один и тот же человек – это было совершенно невероятно.

Довольно долго Филип сидел, откинувшись на спинку стула, и, прикрыв глаза, впитывал в себя приятный жар печи. В грезах, навеянных благодатным теплом, ему снова явился хорошо знакомый образ. Филип бессознательно боролся с ним, как делал уже десятки раз с тех самых пор, когда получил первое письмо, но, как и в прошлые разы, все его усилия оказались тщетными. Он снова видел ее перед собой, точно наяву, видел такой, какой она была на балу

у Хокинсов: глаза и губы улыбаются, свет бесчисленных свечей играет на червонном золоте чуть волнистых волос.

С усилием очнувшись от воспоминаний, Филип взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти пять. Он наклонился, чтобы прикрыть дверцу печи, и вдруг замер, вытянув руку вперед. На его колене, блестя в свете пламени, словно золотая нить, лежал женский волос. Зажав его двумя пальцами и держа волос перед собой, так чтобы на него падал свет огня из печи, Филип осторожно поднялся. Рука его дрожала, дыхание сделалось частым. Волос, несомненно, выпал из письма – или из конверта – и был удивительно похож на *ее* волосы.

Со стороны фактории послышался низкий звук лосиноного манка – это Брид звал его на ужин. Прежде чем выйти из хижины, Филип намотал шелковистый волос на палец, а потом аккуратно спрятал среди бумаг и фотографий, которые носил в кожаном бумажнике. Когда он наконец присоединился к агенту в столовой, на лице его рдел яркий румянец. После памятного бала у Хокинсов, когда, почти готовый сдаться, он склонился к ней и почувствовал легчайшее прикосновение ее прекрасных рук, ощутил тепло дыхания и мягкость ее волос на своих губах, мысль об этой женщине еще ни разу не взволновала его так сильно, как сейчас. Филип был даже рад, что Брид слишком озабочен собственными проблемами, чтобы заметить на лице гостя какие-то чувства или хотя бы спросить, удалось ли тому что-то выяснить из письма.

– Говорю тебе, Стил, для меня все это может кончиться крупными неприятностями, – мрачно сказал агент. – В настоящий момент фактория на озере Бейн представляет собой самый маленький, самый ветхий и самый убыточный торговый пост между Гудзоном и Атабаской. Нам выпало два неудачных сезона подряд. Естественно, что все пошло кувырком. Полковник Беккер – большая шишка в компании, я в этом не сомневаюсь. Десять против одного: он решит, что это я во всем виноват и меня нужно заменить кем-то получше.

– Ерунда! – воскликнул Филип, глядя на Брида в упор, и щеки молодого человека покраснели еще больше. – Вот какое у меня предложение: давай я отправлюсь к ним навстречу? – спросил он. – Что-то вроде комитета по торжественной встрече из одного человека... И прежде чем они сюда доберутся, я постараюсь, эдак ненавязчиво, внушить полковнику, что в последние два года фактории Бейн не везло и...

Услышав эти слова, Брид буквально просиял:

– Ты мог бы меня очень выручить, Стил! Скажи, ты действительно готов это сделать – встретить полковника и его жену?

– Готов, и даже с удовольствием.

Филип почувствовал, что у него все сильнее горит лицо, и ниже склонился над тарелкой.

– Ты уверен, что полковник и его жена – пожилые люди? – спросил он.

– Так пишет Маквей из Форт-Черчилла. Он говорит, что полковник – человек в годах.

– А его жена?

– Не знаю, как насчет возраста, но она точно не подарок, – несколько неуважительно заметил Брид. – Если бы полковник приехал один, все обстояло бы не так скверно, но его старуха... Пф!.. Если он чего-то вдруг не заметит, так она ему обязательно подскажет – в этом можно не сомневаться.

Филип подумал о своей матери, которая весь окружающий мир рассматривала через лорнет с увеличивающими стеклами, и невесело усмехнулся.

– Я отправлюсь к ним навстречу, – повторил он успокоительным тоном. – Скажи Джеку, пусть к утру приготовит мне все необходимое для путешествия. Я хотел бы выехать сразу после завтрака.

Когда ужин закончился, Филип испытал облегчение и поспешил вернуться в хижину. Дымя зажатой в зубах трубкой, он с чувством какой-то непонятной вины извлек из бумажника золотой волос и снова поднес к свету пламени, отчего тот засверкал, словно настоящее золото.

– Ты спятил, Филип Стил, – сказал себе молодой человек. – Идиот высшей пробы – вот кто ты такой! Какого черта ты вообразил, будто жена полковника Беккера может иметь к тебе какое-то отношение? Пусть даже у нее золотые волосы и она пишет свои письма на кремовой бумаге, надушенной гиацинтом. Да будь оно все проклято... вот! – Он разжал пальцы, и поток воздуха тут же унес невесомый волос куда-то в темный угол хижины.

В постель Филип отправился далеко за полночь, а проснулся, когда снаружи только только занимался серый, холодный рассвет. Легкий завтрак – и вот он уже в дороге. Весь день, надев снегоступы, Филип двигался размеренным, экономным шагом по тропе компании, ведущей от поста к заливу. За два часа до наступления темноты он поставил легкую палатку, нарубил лапника для постели и, срубив сухую ель, разжег костер у подножия высокой скалы, высившейся напротив его убежища. Было еще светло, когда, завернувшись в одеяло, он прилег на постель из еловых веток, вытянув ноги навстречу отражавшейся от скалы волне тепла. Самый воздух казался каким-то слишком неподвижным, и это ощущение все усиливалось по мере того, как за кругом света, отбрасываемого костром, сгущалась ночь. Темнота обступала крошечный лагерь со всех сторон. В чернильном мраке зимней ночи зрение было бессильно, и Филип непроизвольно начал томиться одиночеством. Для него это ощущение было внове, и, не сдержав дрожи, он сел на постели, обратившись лицом к костру. Когда-то он полюбил Север именно за это – за безграничный покой и всеобъемлющее безмолвие пустынных пространств, и до сегодняшнего вечера его любовь оставалась неизменной. Но сейчас в абсолютной тишине ночи было нечто гнетущее, такое, что заставляло его напрягать зрение, чтобы разглядеть хоть что-то за зыблущимся на снегу кругом света от костра. Его напряженный слух старался уловить звуки, которых не было и не могло быть. Филип знал, что это просто тоска по обществу, но не обществу Брида и товарищей, с которыми он не раз преследовал оказавшихся вне закона преступников, а тех мужчин и женщин, которых когда-то – столетия назад, как ему казалось, – он знал и среди которых пользовался некоторым авторитетом. А еще он чувствовал, что, пока сидит здесь, сжимая кулаки и таращась во тьму, душа его продолжает тянуться к женщине, чьи глаза, губы и золотые, как солнце, волосы упрямо вставали перед его мысленным взором после многих месяцев забвения, к женщине, чья манящая улыбка мерещилась ему сейчас среди прыгающих языков пламени, продолжая соблазнять, искушать, звать даже через расстояние в тысячу миль. И если он уступит, поддастся...

При мысли об этом Филип до боли сжал кулаки и откинулся на спину с проклятьем, в котором было больше муки, чем святотатства. Спать ему пока не хотелось, но физическое утомление после дневного перехода давало о себе знать, и он, закрыв глаза, погрузился в легкую дремоту, в которой ему снова явилось знакомое женское лицо. С каждой минутой оно выглядело все ближе, все реальнее, пока не оказалось совсем рядом и не заговорило с ним. Филип услышал мягкий, мелодичный, по-девушечьи звонкий смех, который так сильно подействовал на него на балу у Хокинсов; ему казалось даже, что он слышит невнятный гул других голосов, один из которых вдруг прозвучал на редкость громко и отчетливо. Это был голос Чесбро, который случайно нарушил их уединение и тем самым спас Филипа – спас буквально за миг до катастрофы.

Филип беспокойно зашевелился, приподнялся на локте и посмотрел на костер. Пробуждаясь от дремы, он, казалось, снова услышал голос Чесбро, а вслед за этим – смеющийся голос из своих грез, неразборчивый и тихий, и от этого по его нервам словно пробежал разряд электричества, оставивший после себя приятное покалывание во всем теле. Удивленный, Филип резко сел, всматриваясь в окружающую темноту. Может быть, он все еще спит? Костер горел по-прежнему ярко, а значит, он спал совсем недолго.

Неясное движение, негромкий скрип снега под чьими-то ногами – и между ним и костром появился силуэт человека.

Это была женщина.

Сдержав готовый сорваться с губ вскрик, Филип сидел неподвижно, стараясь не производить ни звука. Женщина сделала шаг вперед, заглянула в темное нутро палатки. Отблески пламени сверкнули на серебристых мехах, в которые она была закутана, мелькнула белая рука, коснувшаяся полога, а потом Филип разглядел лицо. Это длилось лишь мгновение, но он как будто остолбенел и сидел так неподвижно, словно на несколько секунд в нем прервалось самое течение жизни. Темные смеющиеся глаза, блеснувшие в улыбке зубы, сдавленный смешок, прозвучавший негромко, как вибрирующая горловая нотка, – все это промелькнуло и пропало, а он все сидел, уставившись в пустоту, где только что видел прекрасный призрак.

Наконец Филип пришел в себя. Слегка откашлявшись, чтобы показать пришельцам, что не спит, он откинул одеяло и выполз из низкой палатки. Справа от костра стояли мужчина и женщина и, наклонившись к костру, грели руки над огнем. Заметив Филипа, оба выпрямились.

– Мне очень жаль, мистер Стил, – сказал мужчина, делая несколько быстрых шагов по направлению к нему. – Боюсь, мы помешали вашему отдыху. Мы собирались встать лагерем вон на том холме, но увидели ваш костер и решили выяснить... Еще раз извините.

– Мне бы очень не хотелось разминуться с вами, – перебил Филип, пожимая протянутую руку. – Дело в том, что я отправился в путь с фактории на озере Бейн, чтобы встретить полковника Беккера и его супругу, и... – Он намеренно сделал паузу, улыбаясь открытой, добродушной улыбкой, которая, как правило, с первого взгляда располагала к нему людей.

– И вы их встретили, – отозвался звонкий, смеющийся голос с противоположной стороны костра. – Надеюсь, мистер Стил, вы простите меня за то, что я вас разбудила, но... ваши ноги, торчавшие из палатки, выглядели очень забавно. Уверяю вас, что, кроме этого, я больше ничего не разглядела, хотя и старалась. Что касается того, откуда нам известно ваше имя, то я прочла его на пологе вашей палатки.

Филип встретился взглядом с парой блестящих темных глаз, смотревших на него из-за плеча полковника, и почувствовал, как у него вспыхнули щеки. Женщина улыбалась. Возле костра было достаточно тепло, и она сдвинула свою тяжелую меховую шапку на затылок. Ее блестящие золотые волосы были того же самого оттенка, что и волосок из письма, а губы, глаза и нежный румянец на щеках очень напоминали те, которые он постоянно видел перед собой, с тех пор как получил надушенное гиацинтом письмо, наполнившее его беспокойством и тоской по родным краям. Филип не раз думал о том, что жена полковника может быть молодой и золотоволосой, но он и представить не мог, что ее смеющееся лицо окажется таким же прекрасным, а глаза – такими же глубокими и манящими, как у...

Филип поймал себя на том, что слишком пристально разглядывает миссис Беккер, и поспешно отвел глаза.

– Я спал... – пробормотал он, слегка запинаясь, но постарался взять себя в руки. – Я спал, и мне снилось женское лицо. Странно, что подобное могло случиться, да еще при таких обстоятельствах, но... женщина, которая мне приснилась, была удивительно похожа на вас, мэм, хотя я точно знаю, что сейчас она находится за тысячу миль отсюда.

Обернувшись, Филип увидел, что полковник улыбается – чуть насмешливо, но приветливо. Он был невысоким и худым, но прямым как шомпол. Его лицо казалось почти болезненно бледным, если не считать порозовевшего от холода носа. Остроконечная бородка была белой, как снег под ногами. В целом же та часть его физиономии, которая виднелась между бобровой шапкой и воротником просторной меховой шубы, выглядела достаточно мужественно, несмотря на бледность кожи.

– Я рад, что вы отнеслись к нашему вторжению столь снисходительно, – проговорил он уже совершенно по-дружески. – Мы не стали бы тревожить вас, если бы не Изабель. Она... она очень настаивала. Ей, видите ли, захотелось узнать, кого мы встретили в этой глуши и как он выглядит. Ну что, моя дорогая, теперь ты удовлетворена?

– Я, честно говоря, не ожидала, что в это время он уже будет спать, – сказала миссис Беккер и, не сдержавшись, рассмеялась. Озорной изгиб ее алых губ и блеск глаз были столь близки к совершенству, что сердце Филипа забилося быстрее, а румянец на щеках потемнел.

– Еще только шесть, – проговорил он, посмотрев на часы. – Обычно я не ложусь так рано, но сегодня я немного устал... Впрочем, я уже отдохнул, – добавил Филип поспешно, – и мог бы проговорить с вами хоть до утра. Мы здесь не часто встречаем людей из цивилизованных мест, так что... А где ваши спутники?

– Вон там, – ответил полковник, взмахом руки указывая куда-то в темноту. – Изабель велела им сидеть тихо и не шуметь. Мы оставили их за холмом, а сами пошли вперед. Вообще-то, мы путешествуем налегке: нас сопровождают только двое индейцев на двух нартах, на которые нагружена примерно тонна муки.

– Так зовите их сюда, – предложил Филип. – Места всем хватит. Вы можете поставить свою палатку рядом с моей, напротив скалы. Она как раз прогрелась – вам будет тепло, как у печки.

Полковник кивнул и, отойдя от костра, принялся звать индейцев-проводников, а Филип, обернувшись, увидел, что весь смех исчез из глаз миссис Беккер и что она глядит на него вопросительно и робко. На мгновение ему показалось, что она вот-вот заговорит с ним, но вместо этого она подобрала короткую веточку и принялась задумчиво ворошить угли в костре.

– Вы, наверное, устали, миссис Беккер, – сказал Филип. – Костер дает достаточно тепла, так что, если хотите, можете снять шубу. Без нее вам будет удобнее, а я принесу одеяло, чтобы вы могли сесть.

С этими словами он нырнул в палатку и сразу же вернулся с теплым меховым одеялом, которое и расстелил у подножия большой ели, футах в шести от костра. Когда Филип снова повернулся к жене полковника, она уже сбросила шубу и сняла шапку, и он увидел, какая у нее изящная, по-девичьи стройная фигура. Благодарно улыбнувшись, что придало ей еще более обольстительный вид, миссис Беккер устроилась на приготовленном одеяле. Филип наклонился над ней, чтобы укутать ее ступни и колени, и в ноздри ему вторгся исходящий от ее густых золотистых локонов сладкий цветочный запах, который и так уже перевернул ему всю душу.

Выпрямившись, Филип увидел, что полковник стоит совсем рядом. Беккер переводил взгляд с молодого человека на жену и обратно, в глазах полковника снова вспыхивали насмешливые искорки, и Филип понял, что его нескромные мысли написаны у него на лице. К счастью, как раз в этот момент подъехали нарты с индейцами, и он поспешил к ним, чтобы помочь распрячь собак и управиться с грузом, не переставая вполголоса проклинать жар, что бродил в его крови, и то временное помешательство, которое поразило его разум. Еще сильнее Филип выбранил себя, когда вернулся обратно к костру. Стоя в глубокой тени, он ясно видел, что полковник сидит на одеяле, привалившись спиной к стволу ели, а миссис Беккер положила мужу голову на плечо и что-то говорит, смеясь и глядя снизу вверх ему в лицо. На секунду Филип замешкался, не решаясь нарушить уединение этих двоих, и, пока он смотрел, миссис Беккер притянула голову полковника к себе и поцеловала. В тот же миг на лицах обоих отразились такая глубокая привязанность и любовь, что эта картина навсегда изгнала из сердца Филипа образ той, другой женщины. Больше того, ему стало очевидно, что отныне эта нечаянно подсмотренная сцена останется для него мерилом любви, о которой он давно мечтал, на которую надеялся и которую наконец нашел – увы, не для себя! – в самом сердце безлюдной и холодной пустыни.

Когда, нарочито громко хрустя мокасинами по ледяному насту, Филип вышел к костру, в обращенной к нему улыбке женщины он разглядел нечто по-детски чистое и безмятежное. Лицо полковника тоже выражало чувство, которое коснулось самого сердца Филипа и наполнило его теплом; оно казалось молодому человеку незнакомым, новым и почти равнялось

счастью, которое испытывали эти двое. Словно ураган, оно унесло прочь томительное одиночество. Они долго беседовали у костра втроем; и, когда наконец жена полковника, слегка приподняв прелестную головку, спросила сонным голосом, нельзя ли ей лечь спать, Филип тихонько рассмеялся, охваченный тихой, искренней радостью при виде того, как она с чуть капризной лаской потерлась розовой щекой о белоснежную бородку супруга и как полковник, в глазах которого светилась нежность, чуть не на руках отнес жену в палатку.

Вскоре после этого Филип тоже отправился спать. Завернувшись в меховое одеяло, он улегся на постель из еловых ветвей, но сон все не шел, и он долго ворочался с боку на бок, размышляя о том, какая странная вещь с ним приключилась. Сегодня ночью, под старой елью в свете костра, он снова увидел *ее* волосы – золотые, с рыжеватым оттенком, искусно уложенные, они выглядели в точности как на балу у Хокинсов, когда Чесбро помешал свершиться неизбежному. Также Филипу было совсем нетрудно вообразить, что это *ее* лицо озарилось не только красотой, но и чистотой, сердечностью и любовью, но... Но то была не *она*, и это изменило все. Филип понял, чего ему так не хватало, и, мысленно благословив невольное вмешательство Чесбро, погрузился наконец в сон, чтобы увидеть в грезах это новое лицо. Когда же несколько часов спустя он проснулся, то испытал горькое разочарование при мысли о том, что его ночные видения оказались просто грезами и что эта прекрасная женщина – жена полковника Беккера.

Глава III

Флирт и череп

Было уже далеко за полдень, когда они добрались до озера Бейн. Поручив полковника и миссис Беккер заботам Брида, Филип поспешил к себе в хижину. У самой двери он столкнулся с Баком Номом. В последний раз они встречались в Нельсон-Хаусе месяц назад, но воспоминания о том, что тогда произошло, были еще слишком свежи, и Филип приветствовал сослуживца довольно холодно.

– Я сейчас в факторию, хочу представиться полковнику и его жене, – сказал Ном. – Вот так штуку ты отмочил, Стил! Приволок сюда замерзшую жену старого полковника! Или старую жену замерзшего полковника?

В его голосе слышалась издевка, и каждая жилка в теле Филипа натянулась как струна. Круто обернувшись к Ному, который уже собирался идти прочь, он сказал:

– Кажется, еще в Нельсон-Хаусе ты из кожи вон лез, лишь бы получить именно такую работенку? А помнишь, чем все закончилось?..

– Ну-ну, приятель, не стоит заводить из-за пустяков, – парировал Ном с противным смешком. – В любви, как на войне, все средства хороши. А это была любовь, клянусь чем хочешь! Любовь, весьма близкая к кое-чему, что мне очень хотелось бы получить.

В его тоне было нечто, что заставило Филипа крепко сжать губы и поспешно шагнуть к двери хижины. Он не впервые слышал гнусный смех, который срывался с губ Номы при упоминании о женщинах. И смех этот, больше чем что-либо иное, заставлял его ненавидеть сослуживца. Ном был великолепным образчиком мужской породы и мог по праву считаться самым красивым полицейским к северу от Виннипега. Несмотря на это, большинство знакомых презирали его, ибо им было хорошо известно: женщины боготворят Ному, но только до тех пор, пока не обнаруживают – как правило, слишком поздно, – что его нравственные устои не выдерживают никакой критики. Именно это случилось однажды в Нельсон-Хаусе, и с тех пор, вспоминая произошедшую там трагедию, Филип испытывал жгучее желание задушить негодя. А что будет теперь?.. Эта мысль подействовала на Стила как ушат холодной воды, однако уже через мгновение его зубы сверкнули в улыбке: он вспомнил любовь и чистоту, которые отразились на лице миссис Беккер. Продолжая негромко посмеиваться себе под нос (впрочем, в этих звуках не было ни грана веселья), Филип вытащил из-под койки свой походный мешок и распустил стягивавший горловину шнур. Он вытащил из мешка какой-то предмет, завернутый в гибкую березовую кору. Когда кора упала на пол, в руках у него оказался череп, который он привез с собой с юга. И снова Филип засмеялся, обводя взглядом темную хижину, но и на этот раз в его смехе звучало лишь нервное возбуждение. С бревенчатого потолка хижины свисала большая керосиновая лампа с жестяным абажуром, под ней он и повесил череп на обрывке шпагата.

– Из вас получилось бы неплохое украшение для комнаты, мсье Дженнет! – воскликнул Филип, вставая, чтобы получше рассмотреть череп, который слегка раскачивался и крутился на шнурке. – Mon Dieu³, если зажечь лампу, Баки Ном не сможет не узнать вас, мсье.

Филип зажег вторую лампу, поменьше, тщательно побрился и переоделся. Когда совсем стемнело, он был готов идти на ужин в дом Брида, но Бак Ном еще не вернулся. Филип дождал еще четверть часа, потом надел шапку и меховую куртку и зажег лампу под потолком. У двери он обернулся. Черные провалы глазниц, казалось, смотрели ему вслед. Оттуда, где он стоял, было хорошо видно неправильной формы отверстие чуть выше уха.

³ Мой Бог (фр.).

– Сегодня все ставки ваши, мсье Дженнет, – негромко сказал Филип и вышел, осторожно закрыв за собой дверь.

Едва переступив порог просторной гостиной в доме агента, Филип сразу понял, почему Ном так и не вернулся в хижину. Брид и полковник, склонившись над потрепанным грессбухом, разложенным на небольшом столе, курили сигары и казались полностью поглощенными текущими делами фактории. Миссис Беккер сидела в кресле перед зажженным камином. Ном устроился на стуле рядом и, наклонившись к ней, что-то говорил, но так тихо и вкрадчиво, что до ушей Филипа долетало только неразборчивое бормотание. На мгновение Ном приподнял голову; его лицо слегка покраснелось, в глазах горел тот хищный огонь, который заставлял Филипа ненавидеть сослуживца. Миссис Беккер повернулась, чтобы приветствовать молодого человека, и Филип почувствовал, как его сердце сжалось от недоброго предчувствия. Его щеки тоже вспыхнули, и этот жар еще усилился, когда, поклонившись даме, он повернулся, чтобы присоединиться к мужчинам за столом. Полковник рассеянно пожал ему руку, и Филип заметил, что Беккер то и дело с беспокойством поглядывает в направлении пары у камина и что каждый раз, когда негромкий смех миссис Беккер достигает его слуха, полковнику становится совсем не до цифр, на которые указывает Брид.

Когда все встали, собираясь перейти в столовую, где был накрыт ужин, Ном предложил руку миссис Беккер. Опершись на нее, она бросила мужу быстрый, смеющийся взгляд, и этого оказалось достаточно, чтобы кровь Филипа забулдила. Бледное лицо полковника, впрочем, оставалось бесстрастным, и молодой человек, пытаясь справиться с собой, так сильно сжал кулаки, что ногти глубоко вонзились в мякоть ладоней.

Во время трапезы знаки внимания, которые Ном оказывал миссис Беккер, стали еще очевиднее. Один раз, передавая леди какое-то блюдо, он воспользовался моментом, чтобы прошептать ей на ухо несколько слов, отчего ее щеки покрылись густым румянцем; в растерянности она посмотрела на мужа, и полковник ответил ей взглядом, в котором читался упрек. Филип содрогнулся. На его глазах происходило что-то неслыханное и гнусное! Ном что, спятил? А эта женщина?..

Он не успел закончить свою мысль. Встретившись глазами с миссис Беккер, сидевшей за столом напротив него, Филип заметил, как она судорожно сглотнула. Вся кровь отхлынула от ее лица, и она поднялась из-за стола, продолжая пристально смотреть на молодого человека.

– Я... я прошу меня извинить, – проговорила она. – Мне немного нездоровится.

Ном тут же вскочил, собираясь ее поддержать, но миссис Беккер быстро повернулась к полковнику, который тоже встал.

– Пожалуйста, проводите меня в мою комнату, – обратилась она к мужу. – Проводите и можете вернуться...

И она снова посмотрела на Филипа. Ее лицо было таким бледным, что он испугался. Потом Стил на некоторое время остался в столовой один – Ном и Брид тоже встали из-за стола и вышли. В глубине дома Филип различил звук открывшейся и закрывшейся двери, затем послышались шаги, и в комнату вернулся Ном.

– Клянусь Богом и всеми двенадцатью апостолами, ну и красotka! – воскликнул он с порога. – Говорю тебе, Стил, она...

Что-то в лице Филипа заставило его оборвать себя на полуслове. Пока Ном гадал, в чем дело, молодой человек, на щеках которого горели два красных пятна, решительно шагнул вперед и крепко схватил сослуживца за руку.

– Да, она красива. Очень красива, – тихо сказал он, и его пальцы сильнее сжали руку Ном. – Возьми свою шапку и куртку, Ном. Я буду ждать тебя в хижине.

Позади них снова открылась дверь, и Филип, выпустив руку Ном, шагнул навстречу Бриду.

– У нас с Баком появилось неотложное дело, – объявил он. – Когда они... когда полковник вернется, передай, что мы присоединимся к нему несколько позднее, чтобы выкурить по трубке перед сном. И передай нашу благодарность... ей. – И Филип с легкой усмешкой обернулся к Ному, который бросил на него злобный взгляд, но все же последовал за ним к выходу.

– Ну и какого дьявола все это значит? – нетерпеливо спросил Ном, как только оба оказались на улице. – Если ты что-то затеваешь, Стил...

– Затеваю, – перебил Филип. – Нам с тобой нужно кое-что решить. Ты говоришь, она красива? Да она прелестна, как ангел, Бак!.. Жена полковника, я имею в виду. А ты... – Он хрипло рассмеялся. – Ты везунчик, Бак Ном, – всегда таким был. Наверняка ты думаешь, что она уже наполовину влюблена в тебя. Очень, очень жаль, что она почувствовала недомогание в самый, как бы ты выразился, решающий момент. А знаешь почему?..

– Понятия не имею, – проворчал Ном, уловив в голосе Филипа нечто такое, что темнота мешала ему прочесть по лицу.

– Конечно ты не знаешь, – подхватил Филип. – Именно поэтому мы с тобой пойдем сейчас в хижину. Там я обязательно растолкую тебе, что случилось и почему миссис Беккер побледнела, если ты, конечно, это заметил. Это будет славная шутка, Ном. Думаю, ты сумеешь ее оценить.

Когда они подошли к дверям хижины, Филип слегка отступил в сторону, пропуская сослуживца вперед, шагнул следом и, обернувшись, запер дверь на засов. Потом Филип сбросил куртку и показал Ному на висящий под лампой череп:

– Позволь представить тебе моего старого друга, Бак. Это мсье Дженнет из Нельсон-Хауса.

Ном с проклятием отпрыгнул. Его лицо перекошилось от ярости, руки сжались в кулаки для удара, но наставленный на него револьвер и опасный блеск в холодных серых глазах Филипа пригвоздили Ному к полу.

– Сядь, Ном! Вон там, под черепом человека, которого ты убил, – приказал Филип. – Сядь, я сказал, или, клянусь всеми богами, я прострелю тебе башку! Ну вот, хорошо... а я сяду здесь, чтобы держать на прицеле твое сердце – сердце паршивой собаки. Сегодня черед мсье Дженнета... – продолжал он, наклонившись вперед над небольшим столом. Красные пятна у него на щеках сделались ярче.

Ном посмотрел на них, на револьвер и поежился.

– Да, сегодня черед мсье Дженнета и полковника. Они требуют ответа. В первую очередь, конечно, мсье Дженнет... Не забывай об этом, Ном. Все, что я делаю, я делаю ради моего друга... О миссис Беккер я сейчас не думаю... *пока* не думаю. – Дыхание Филипа участилось, губы кривились от ненависти к сидящему перед ним человеку, но он держал себя в руках.

– Это ложь! – сдавленно воскликнул Ном, посерев от страха. – Ложь! Я не убивал Дженнета.

Палец Филипа, лежавший на спусковом крючке, чуть заметно напрягся.

– О как бы мне хотелось пристрелить тебя прямо сейчас! – выдохнул он. – Ты соблазнил его жену, Ном, ты разбил ему сердце, и он покончил с собой. Ты отправил в штаб рапорт, в котором написал, что с ним произошел несчастный случай во время чистки оружия, но это неправда. Ты убил его, когда отнял у него жену. Я раздобыл его череп, потому что думал – он может мне понадобиться, чтобы уличить тебя во лжи. Совершенно очевидно, что эта дырка в кости – от револьверной, а не от винтовочной пули. И Дженнет далеко не первый, кого ты отправил на тот свет, а его жена не единственная женщина, которую ты обесчестил. Но, клянусь, миссис Беккер не станет твоей следующей жертвой!

Ном попытался что-то возразить, и Филип в ярости чуть было не ткнул револьвером ему в лицо.

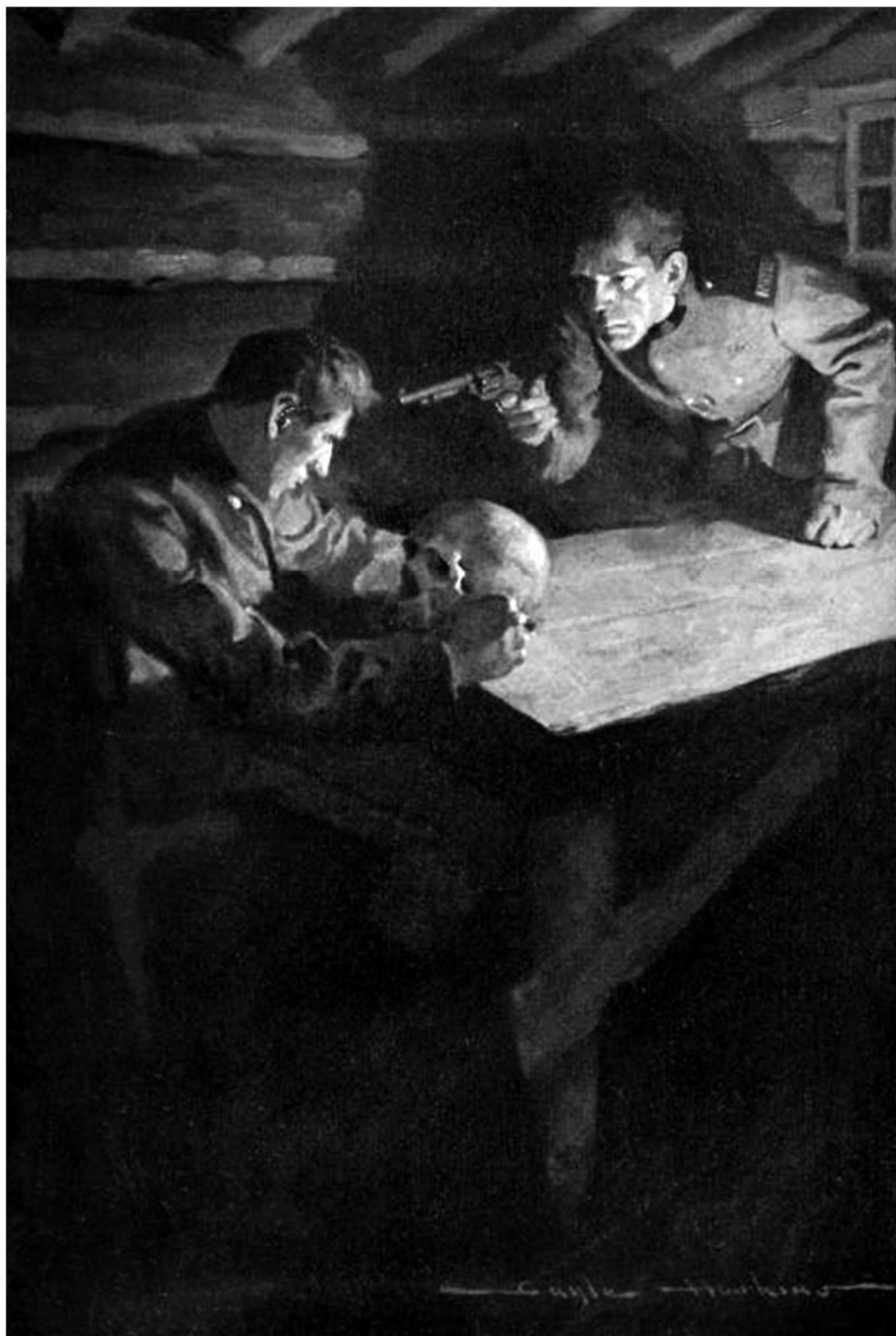
– Заткнись! – выкрикнул он. – Если ты еще раз попытаешься открыть свой поганный рот, я убью тебя прямо здесь. Не надо делать вид, будто ты не понимаешь, что случилось сегодня! Да, миссис Беккер немного забылась, а потом опомнилась – Слава богу, вовремя, но этого оказалось достаточно, чтобы ранить полковника в самое сердце – точно так же, как когда-то ты нанес глубокую рану вот *ему*... – Филип протянул руку к черепу и, резким рывком оборвав шпагат, которым тот был привязан к лампе, развернул так, что пустые черные глазницы уставились прямо в лицо Ному. – Посмотри на него, негодяй, посмотри внимательно! Это человек, которого ты убил, как убил бы полковника, если бы мог. Это Дженнет!..

Последние слова он почти прошипел, одновременно подталкивая череп через стол к Ному. Казалось, еще одно движение – и череп коснется груди Бака.

– Мы всё как следует обдумали, мсье Дженнет и я, – продолжал Филип несколько более спокойным тоном. – Мы всё обдумали и решили не убивать тебя, но ты должен уйти со службы. Надеюсь, тебе понятно?

– Вы... вы хотите заставить меня уволиться?.. – Рука Нома скользнула к поясу, и Филип чуть приподнял револьвер:

– Руки на стол, Бак!.. Вот так-то лучше... – Он негромко рассмеялся. – Да, мы хотим, чтобы ты уволился. Я скажу, что еще ты должен сделать... Ты должен прямо сейчас взять все необходимое и бежать отсюда, словно за тобой черти гонятся. Я советовал бы тебе отправиться прямо в штаб и написать рапорт об увольнении из рядов Северо-западной конной полиции. Макгрегор неплохо тебя знает, Баки, и, хотя твой полный послужной список для него тайна за семью печатями, кое-что о твоих проделках ему известно. Я не думаю, что он станет возражать против твоей отставки, даже несмотря на то что срок твоего контракта еще не истек. Чтобы как можно скорее добиться увольнения, лучше всего сослаться на состояние здоровья... Ну а если инспектор все же не захочет тебя отпускать, тогда... тогда нам с мсье Дженнетом придется составить для штаба *свой* рапорт. Скажу откровенно: мы не прочь добавить в него кое-какие любопытные подробности, которые, вне всякого сомнения, не откажутся подтвердить мужчины и женщины из Нельсон-Хауса. Ты прирожденный преступник, Баки... – Филип насмешливо улыбнулся. – И если тебе вздумается следовать своим природным склонностям, я боюсь, что твоим сослуживцам скоро придется открыть на тебя охоту. А ты прекрасно знаешь, что они пойдут до конца и пощады тебе не будет, так что лучше не переступай закон. Попробуй для разнообразия вести честную жизнь, Ном. Мсье Дженнет хочет дать тебе шанс, и я на твоём месте постарался бы этим воспользоваться. А теперь пошевеливайся! Тебе понадобится одеяло и кое-какое продовольствие – больше ничего.

– Ты спятил, Стил! Боже мой... – Ном слегка приподнялся на стуле. – Неужели ты действительно хочешь...

Филип свободной рукой вытащил часы, щелкнул крышкой.

– Да, я этого хочу. И если через пятнадцать минут ты не исчезнешь, я отведу тебя к Бриду и полковнику, расскажу им историю мсье Дженнета и посажу тебя под замок до тех пор, пока штаб не решит, что с тобой делать, – быстро проговорил он. – Ну, что ты выбираешь?

Медленно, как человек, оглушенный внезапным ударом по голове, Ном поднялся на ноги. Не говоря ни слова, он тщательно упаковал в походный мешок все необходимое для длительного путешествия. Уже у двери он на мгновение обернулся к Филипу, который продолжал держать его на мушке.

– Имей в виду, Баки, – проговорил Филип негромко, – я делаю все это ради твоей же пользы. Кроме того, Северо-западная конная полиция избавится от редкостного мерзавца.

Страх исчез с лица Ном. Его сменила ненависть, столь жаркая, что черты перекошились, а зубы засверкали, точно клыки оскалившегося зверя.

– Будь ты проклят, Стил! – прорычал он. – И будь проклята служба! Когда-нибудь мы встретимся, и тогда...

– Да, когда-нибудь!.. – рассмеялся Филип. – Прощайте, дезертир Ном.

Ном выскользнул наружу, и дверь за ним закрылась.

– Ну а теперь, мсье Дженнет, действовать будем мы, – сказал Филип, по-приятельски улыбнувшись черепу, и принялся набивать трубку. – Теперь настала наша очередь.

Он громко рассмеялся и некоторое время молча, с наслаждением курил, выпуская в воздух пышные облачка дыма.

– Сегодня я неплохо потрудился, мсье Дженнет. Пожалуй, это лучшее, что я сделал в жизни, – продолжил Филип после паузы. – *Самое* лучшее, как Бог свят, но работа еще не закончена. Я буду полностью удовлетворен, только если мне удастся отправить вас, мсье, женщине, которая помогала вас убить. – Он осекся, и его глаза вспыхнули внезапным огнем. – Чтоб мне пусто было! – воскликнул он вполголоса. – А ведь это идея!

Трубка его погасла, но Филип не обратил на это внимания. Несколько минут он так пристально разглядывал череп, словно тот вдруг заговорил и его голос приковал Филипа к полу. Наконец Стил бросил трубку на стол, собрал обмундирование и прочее имущество, затолкал в мешок. Вернувшись к столу со стопкой бумаги и пером, он снова сел и взял в руки череп. Лицо его было бледным, но решительным.

– Я сделаю это, помоги мне Бог. Сделаю!.. – возбужденно прошептал Филип. – Да, мсье, вас убила женщина. Бак Ном действовал не один, она тоже виновна в вашей смерти. Ей вы, пожалуй, ни к чему, но... возможно, вы поможете кое-кому другому. Решено, мсье Дженнет, я пошлю вас ей. Это будет жестокий урок, и я, может статься, поступаю не лучшим образом. С другой стороны, один ваш вид действует как самая убедительная проповедь, так что, надеюсь, вы сможете принести ей пользу. Я расскажу ей вашу историю, старина, расскажу о женщине, благодаря которой вы стали таким беленьким и чистеньким. Быть может, она сумеет сделать правильные выводы. Что скажете, мсье Дженнет? Ведь может же такое случиться, правда?

Он долго писал, а закончив, запечатал конверт и положил его вместе с черепом в картонную коробку. Перевязав ее шнуром из сыромятной кожи, Филип прикрепил к крышке записку, в которой извещал Брида о том, что обстоятельства вынудили его и Бака Ном без промедления отбыть на запад, и просил агента (эти строки Филип жирно подчеркнул) передать посылку миссис Беккер в собственные руки. В заключение он добавил, что, если Брид дорожит честью и добрым расположением конной полиции вообще и Филипа Стила в частности, ему следует приложить все усилия, чтобы полковник ничего не узнал о посылке, которую получила его жена.

Было почти восемь, когда Филип, закинув за спину увесистый выюк с вещами, вышел из хижины. Снаружи сыпал снег, и он одобрительно хмыкнул, думая о том, что уже через час и отпечатки ног Ном, и его собственные не сумеет отыскать даже самый лучший следопыт. В сгущающейся мгле светились только окна в доме агента, похожие на три далекие звезды.

Одно из них горело ярче остальных, и Филип знал, что это окно комнаты, которую Брид приготовил для полковника и миссис Беккер. Его свет, наделенный каким-то колдовским очарованием, приковал к себе взгляд молодого человека. Он ненадолго остановился, и в то же мгновение окошко засияло еще ярче, и Филипу показалось, будто он видит прильнувшее к стеклу лицо. Мгновение спустя он понял, что это лицо женщины. В следующую секунду дверь дома распахнулась, и какая-то фигура торопливо зашагала по заснеженной дороге в его сторону. Стараясь не шуметь, Филип отступил в густую тень за хижинкой и стал ждать. Вскоре он услышал шаги – это был полковник. Беккер трижды постучал в дверь хижины, но Филип не откликнулся и только пробормотал себе под нос:

– Хотел бы я выйти и пожать ему руку. Хотел бы я сказать ему, что он не единственный человек, чей идеал оказался развенчан и что маленький флирт миссис Беккер не самое худшее из того, что могло случиться.

Филип повернулся и бесшумно двинулся по тропе, которая уходила в глухие леса на западе и терялась в них.

Глава IV

Шелковый шарф

Одиночество, более глубокое, чем все, что он когда-либо испытывал, острое томление, причинявшее почти физическую боль, охватило Филипа, как только он покинул факторию на озере Бейн. На расстоянии около полумили от торгового поста он остановился под густой елью и долго стоял, прислушиваясь к далекому лаю собак. Правильно ли он поступил?.. И да и нет... Коротко и хрипло рассмеявшись, он подумал о Баке Номе и непроизвольно сжал кулаки. Да, с Баком он поступил совершенно правильно, а вот как насчет миссис Беккер, которой он послал череп? На мгновение перед его мысленным взором встала сцена у костра: молодая женщина с золотыми волосами целует мужа, глядит ему в лицо, и в ее голубых глазах сияет свет бесконечной нежности, женственности и чистоты. И тут же Филип вспомнил, чему стал свидетелем в гостиной агента, вспомнил, как порозовели щеки женщины от тихого шепота Бака Номы, как в ее глазах появилась готовность уступить – готовность, которая заставила полковника, наблюдавшего за этим отнюдь не невинным флиртом, смертельно побледнеть. Да, подумал Филип, он все сделал правильно. Изабель опомнилась, но недостаточно быстро, успев отнять частицу жизни у своего мужа и у него, Филипа. Она разрушила его идеал, идеал, который он так часто рисовал себе и надеялся когда-нибудь встретить. Да, миссис Беккер оказалась несколько не лучше золотоволосой отправительницы надушенного гиацинтом письма, в чьих ангельски чистых голубых глазах таились ложь и двуличие, способные сломать жизнь не одному мужчине. А раз так, то чистый белый череп мсье Дженнета и подробный рассказ о том, как и почему он расстался с жизнью, не станут для жены полковника слишком суровым наказанием.

И Филип снова тронулся в путь. Теперь, впрочем, он старался думать о других вещах. Он знал, что милях в семи-восьми от места, где он сейчас находился, стоит хижина Жака Пьеро, метиса, у которого есть нарты и собачья упряжка. Он мог бы нанять Жака, чтобы тот сопровождал его во время патрулирования вместо Бака Номы. Потом он отправится в штаб и напишет рапорт о дезертирстве Номы, поскольку из его последних слов Филип понял, что Ном отнюдь не горит желанием подавать официальный рапорт об увольнении со службы. Ну а потом... Тут Филип пожал плечами, вспомнив, что его собственный контракт истекает только через четырнадцать месяцев. Еще четырнадцать месяцев ему придется тянуть лямку. До сих пор приключения, с которыми он сталкивался во время службы в Северо-западной полиции, вносили в его жизнь приятное разнообразие. Азарт, волнение, борьба с опасностями и необходимость преодолевать себя придавали его существованию остроту, и он прилагал значительные усилия, сражаясь со слабостью, которая проснулась в его душе в ту самую минуту, когда он прочел надушенное гиацинтом письмо миссис Беккер.

– Ты глупец, Фил! – сказал он себе вслух. – Такой же, как Бак Ном, если не больший! Подумать только, Филип Стил позволил себе увлечься замужней женщиной!

Было уже около полуночи, когда он добрался наконец до хижины Пьеро. Впрочем, несмотря на поздний час, в окошке еще горел свет. Сбросив с ног снегоступы, Филип постучал. Через секунду дверь распахнулась, и Жак Пьеро отступил назад, вглядываясь в заснеженную фигуру, которая появилась из вихря крутящихся белых хлопьев.

– Mon Dieu, да это же мсье Филип! – воскликнул Жак.

И молодой человек, шагнув через порог, протянул приятелю руку. Одновременно он бросил быстрый взгляд за спину Жака. С тех пор как Филип был здесь в последний раз, в хижине кое-что изменилось. Жак выглядел худым и бледным, его глаза запали и потускнели, а левая рука висела на перевязи, но дело было не только в этом. В хижине было грязно и холодно, и Филип спросил себя, куда подевались розовощекая черноволосая жена Жака и полдюжины его детишек.

– Mon Dieu, мсье Филип! – снова воскликнул Жак, и его лицо расцвело приветливой улыбкой. – Я очень рад. Вы прийти поздно. Вы голодный?

– Я иду из фактории на озеро Бейн, – ответил Филип. – Там я поужинал и... Но что с тобой случилось, старина? – Он показал на забинтованную руку Жака и еще раз окинул взглядом большую комнату. – Где все?

– О-о, моя жена Иола быть на побережье в Черчилл, – простонал Жак. – И дети тоже. Да! Ты ничего не слышать в фактория? Иола заболеть, очень заболеть. Это серьезная болезнь, которую надо лечить ножом, мсье Филип. Вот я и отвезти ее в Черчилл, к доктору, и он ее починить. Сейчас она поправляться и скоро вернуться домой. Дети оставаться с ней; Иола говорить – она смотреть на них и вспоминать свой Жак, который охотиться с капкан в лес. Но у меня здесь нет дети, и мне быть очень одиноко без моей Иола. Я по ней очень скучать – завтра будет две недели, когда я видеть ее в последний раз.

– Ты был с ней в Форт-Черчилле? – уточнил Филип, снимая заплечный мешок и парку.

– Oui⁴, мсье, – кивнул Жак. – Я быть там с ноябрь. Да! Разве на озере Бейн ничего тебе не сказать?

– Нет, мне никто ничего не сказал, – покачал головой Филип. – Впрочем, я пробыв в фактории всего несколько часов. Слушай-ка... – Он достал трубку и принялся набивать ее табаком, повернувшись спиной к пышущей жаром печке. – Ты видел в Черчилле чужаков? Незнакомых людей, понимаешь? Они приплыли на пароходе из Лондона. Среди них была молодая женщина...

Бледное лицо Жака неожиданно оживилось и даже чуть-чуть порозовело.

– Ах, что за ангел! – воскликнул он. – Так называть ее моя Иола, мсье. Вы видеть?.. – Он показал на свою раненую руку. – Один день эта дрянная beté⁵ – собака, которую я купить у индейцы, – вцепилась моя рука. Когда я добраться до магазин компания, кровь текла с меня ручьем. Она – эта женщина – быть там. Она увидеть меня, испугаться и побледнеть. Потом она негромко вскрикнуть и броситься ко мне. Я не успел моргать, как она сорвать что-то со своей шеи и забинтовать мне рука. Потом она пойти со мной гостиница, где быть моя жена, и после этого каждый день навещать Иола и дети. Она вымыть маленький Пьер и постричь ему голова, она купать Жан и Мабель. Эта женщина смеяться и петь и держать на руки младенец, и моя Иола тоже смеяться и петь. А один день она дотронуться до волосы Иола, которые длинные до колен, и причесать их очень красиво, и говорить: она бы отдать все, что у нее есть, если бы у нее быть такие волосы. И тогда Иола снова смеяться, потому что у этой женщины волосы как у ангел – совсем золотые, только чуть-чуть красные, когда на них падет солнце. Иола взять ее волосы и заплести в косы, как делают кри. А в другой день женщина прийти с мужчина, и он тоже смеяться, и играть с детьми, и говорить: он знать один доктор, который вылечить Иола и ничего за это не брать. А она – она такой прекрасный ангел! Смотри, вот чем она перевязать моя рука!

Воодушевленный собственным рассказом, Жак шагнул к большому ларю, пристроенному к одной из бревенчатых стен, и достал оттуда длинный шарф из белоснежного шелка. Он протянул шарф Филипу, и не успел молодой человек взять полоску шелка в руки, как на него пахнуло сладким ароматом гиацинтов. Не удержавшись, Филип негромко вскрикнул и прижал тонкую ткань к лицу, всей грудью вдыхая изысканный аромат. В эти минуты ему казалось, что Изабель где-то совсем рядом, и это ощущение заставило его наконец-то взглянуть правде в глаза. Чувство, с которым он так яростно боролся в те часы, что провел в фактории на озере Бейн, никуда не исчезло. Больше того, Филип понял, что сдался, уступил этому чувству и что, покинув факторию, он оставил там самое дорогое, что приготовила ему судьба, – свою един-

⁴ Да (фр.).

⁵ Животное, тварь (фр.).

ственную настоящую любовь. Этой мысли оказалось достаточно, чтобы из его груди исторгся еще один хриплый, сдавленный крик.

Когда Стил наконец отнял шарф от лица, оно было бледным как полотно, и Жан взглянул на него с тревогой.

– Этот шарф... он заставил меня вспомнить о доме, – пробормотал Филип первое, что пришло ему в голову. – Иногда... иногда я тоже чувствую себя одиноко. Там, дома, одна девушка носит похожий шарф. И пахнет от него теми же духами, ее любимыми.

– Oui, я понимать. – Жак сочувственно кивнул. – Я так чувствовать себя, когда Иола нет рядом. – С этими словами он взял у Филипа шарф и положил обратно в ларь.

Когда Пьеро вернулся к печке, молодой человек объяснил, зачем он сюда пришел. Немного подумав, Пьеро кивнул, пообещав, что завтра отправится с ним патрулировать на своей упряжке, и стал готовиться ко сну. Филип тоже начал раздеваться. Расстелив на свободной койке меховое одеяло, он небрежно спросил:

– Та женщина в Черчилле... Что бы ты сказал, Жак, если бы кто-то сообщил тебе, что она не такой уж и ангел? Что она... что она вроде той особы с фактории на озере Ла-Биш, которая сбежала с англичанином?

Жак выпрямился так резко, словно Филип кольнул его в спину ножом. Должно быть от волнения, он заговорил по-французски.

– Я назвал бы этого человека лжецом, мсье Филип! – с горячностью воскликнул он. – Я назвал бы его лжецом один, два, три раза! И если бы после этого он не взял свои слова назад, я стал бы с ним драться. Клянусь Богом, убить человека, который способен сказать о такой женщине подобную вещь, никакой не грех!

Филип, склонившись над койкой, почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Глубокая искренность, с какой были сказаны эти слова, заставила его устыдиться собственных мыслей. Не прибавив больше ни слова, он забрался под одеяло и повернулся лицом к стене. Жак погасил лампу, и какое-то время спустя до слуха Филипа донеслось его ровное дыхание. Но самому Стилу не спалось, и он повернулся на спину, глядя открытыми глазами в темноту под потолком хижины. Несмотря на всю свою решимость больше не думать о женщине с озера Бейн, он снова и снова возвращался к ней в мыслях, рисуя милый образ. Он вспоминал каждый ее жест, каждое слово, сказанное ею с тех пор, как они повстречались на дороге в Черчилл. Ее лицо не выражало ничего, кроме чистоты и свежести, пока она не встретила Бака Номы. Она провела в обществе Бака час, от силы два, но этого оказалось достаточно, чтобы... При мысли о том, что случилось – что *могло* случиться, – Филип снова почувствовал бурление в крови. Но, подумал он внезапно, действительно ли Изабель нет никаких оправданий? Когда-то Филип знал многих женщин, но ни одна из них не могла бы похвастаться, что ни разу не совершала ошибки, подобной той, что едва избежала миссис Беккер. Да и кто он такой, чтобы судить ее столь сурово? Да, она любезничала с Баки Номой, да, ее глаза блестели, а щеки покраснелись, но разве это можно назвать грехом? Разве не те же самые глаза глядели на Филипа у костра, излучая свет, от которого все внутри него затрепетало? Разве не тот же самый очаровательный румянец расцвел на ее щеках, когда он чуть было не коснулся губами ее волос? И разве внезапное возвращение полковника не заставило покраснеть их обоих? Вспомнив об этом, Филип улыбнулся и почувствовал, как по телу пробежала волна радостного возбуждения. Впрочем, подобная реакция стала для него откровением. Он вспомнил другие эпизоды и другие лица, в том числе – манящее лицо Элейн Хокинс, которая улыбалась мужчинам точно так же, как миссис Беккер – Ному и ему самому.

Закрыв глаза, Филип попытался уснуть, но сон по-прежнему бежал от него. В конце концов он бесшумно поднялся с койки, набил трубку и сел в темноте рядом с печкой. Метель снаружи набрала силу, превратившись в снежный буран, ветер выл и стонал над крышей, и эти звуки невольно напомнили Филипу ночь в хижине далеко на юге, когда он сжег надушен-

ное гиацинтом письмо. Мысль о письме взбудоражила его сильнее прежнего. Некоторое время Филип прислушивался к ровному дыханию метиса. Убедившись, что Жак крепко спит, он бесшумно поднялся и положил трубку на стол. Мучимый неловкостью и острым чувством вины, Филип бесшумно подкрался к ларю, куда приятель убрал шелковый шарф. Дыхание его непроизвольно участилось, глаза блестели даже в темноте, а по всему телу разлилось странное наслаждение, когда, приподняв крышку, он нашарил в сундуке то, что искал. Вытащив шарф, он вернулся с ним к печке и крепко прижал к груди. Отчетливый цветочный аромат духов коснулся Филипа, как ее дыхание. Мягкость шелка заставила вспомнить волосы Изабель, густые, золотистые, чуть отливавшие медью в свете костра. Он подумал о больших, глубоких глазах молодой женщины, о ее губах, улыбке и, поддавшись внезапному порыву, зарылся лицом в невесомую ткань. Некоторое время Филип стоял в темноте, весь дрожа, пока Жак Пьеро храпел на своей койке, а снаружи выла и стонала снежная буря. Теперь молодой человек точно знал: ради этой женщины он готов сделать гораздо больше, чем Жак, больше даже, чем ее муж-полковник. Сердце молодого человека буквально разрывалось на части от новой, еще неизведанной боли, и тогда истина вдруг вспыхнула у него в мозгу с такой силой, что он едва не задохнулся. Он любил ее. Любил жену другого мужчины. Любил с такой силой, как еще никогда никого не любил, и даже не подозревая, что способен на подобное чувство. И, не отнимая от губ шелкового шарфа, Филип, безмолвный и неподвижный, все стоял и стоял в темноте, сиюсь вернуться к реальности из тех невероятных глубин, которые открылись ему только что.

Наконец он сложил шарф, но, вместо того чтобы вернуть его в ларь, сунул в карман. «Жак не будет против, – сказал он себе. – А для меня... для меня это единственная ее вещь, какую я смогу когда-нибудь заполучить».

Глава V

Высокая женоустойчивость

Утром Пьеро с трудом растолкал Филипа.

– Ну ты и спать, mon Dieu! Прямо медведь! – воскликнул он. – Снег кончиться, погода как раз для поездки. Кстати, ты ничего не слышать? Мне показаться, на озере Бейн стрелять. Хотел бы я знать, в чем дело.

Филип тут же вскочил, непроизвольно бросив взгляд на ларь. Он все еще чувствовал себя преступником и надеялся, что Жак не заметит пропажи шарфа.

– Наверное, туда стадо лосей забрело, – сказал он. – День или два назад я видел следы близ фактории.

Ему не терпелось поскорее отправиться в путь, и он бросился помогать Жаку с приготовлением завтрака. Мысль о выстрелах, звук которых донесся со стороны озера Бейн, не давала ему покоя. Быть может, размышлял он, кто-то пытался таким способом подать Жаку сигнал? Самому Филипу вовсе не хотелось возвращаться в факторию и снова встречаться с ее обитателями. Во всяком случае, не сейчас.

Было почти девять часов, когда Жак запер дверь хижины и оба отправились на юго-запад. На третий день пути они свернули к востоку, чтобы посетить становище индейцев у Оленьего озера, а оттуда, воспользовавшись компасом, взяли курс прямо на Нельсон-Хаус.

Спустя неделю они были уже в фактории. Там Филипа ожидала депеша штаба с требованием как можно скорее прибыть в Принс-Альберт. Этот приказ он воспринял чуть не с облегчением. Попрошавшись с Жаком, он в сопровождении двух индейцев отправился в Ле-Па, а оттуда на служебном поезде выехал в Этомами. Через три часа он был уже в Принс-Альберте.

– Что ж, Стил, можете немного отдохнуть, – сказал ему инспектор Макгрегор, когда Филип доложил о дезертирстве Нома.

В течение следующей недели у Филипа было достаточно свободного времени, чтобы как следует обдумать недавние события и прийти к выводу, что он вел себя как глупец и сам отказался от удачи, которую вложило ему в руки щедрое Провидение. Слова Макгрегора, сообщившего Филипу, что он внесен в списки на повышение, почти не взволновали молодого человека; во всяком случае, он обрадовался совсем не так сильно, как мог бы обрадоваться несколько недель назад. Сидя в своей маленькой комнатке в казарме, он лишь сардонически усмехался, вспоминая, как объявил ему об этом инспектор. «Мы сделаем вас капралом, а то и сержантом, Стил!» – сказал Макгрегор. Он, Филип Стил, миллионер, завсегдатай престижных клубов, единственный сын крупнейшего на Среднем Западе финансового воротилы, станет сержантом! В первую минуту молодой человек едва не улыбнулся, но почти сразу же почувствовал раздражение. Да, он выставлял себя идиотом, но только потому, что с рождения в нем жила жажда приключений, любовь к романтике и свободной, ничем не стесненной жизни на пустынных пространствах Севера. Немудрено, что кое-кто из прежних приятелей считал его чуть ли не юродивым или неудачником – человеком, который никогда ничего не достигнет. Да, он отказался от положения в обществе, от власти, друзей и дома с такой же легкостью, с какой мог бы выбросить окурок сигары, и все ради чего? Ради *этого*?! Филип оглядел тесную комнатенку и снова ухмыльнулся. Да, ради этого. И он поступил так по собственной воле, никто его не принуждал.

До слуха Филипа долетел стук копыт, – должно быть, сержант Моды обучал новобранцев приемам верховой езды и умению стрелять на скаку, с седла. Треск револьверных выстрелов, а следом и несколько возбужденных возгласов подтвердили его догадку. Усмешка сбежала с губ Филипа, взгляд стал сосредоточенным и внимательным, и он подумал, что на самом деле все не так плохо. Служба в Северо-западной конной полиции превращала изнеженных юношей

в мужчин, этого у нее не отнять. И тут же Филип вспомнил одного из своих сослуживцев – молодого англичанина, единственного отпрыска какого-то лорда (получавшего, кстати, из дома приличное содержание), который прилежно обучался верховой езде и стрельбе под руководством огненно-рыжего, хриплоголового ругателя сержанта Моды. И нельзя было не признать, что из наследного лорда получился в конце концов очень неплохой полицейский.

При мысли о служебной рутине Филип ощутил в себе желание действовать и был только рад, когда его снова вызвали в офис инспектора Макгрегора.

Когда он вошел, рослый инспектор расхаживал перед своим столом.

– Присаживайтесь, Стил, – сказал он. – И давайте без формальностей. Хотите сигару?

Если бы Макгрегор вдруг принялся на него орать, Филип был бы удивлен куда меньше. Исходящее от начальника предложение сесть и угоститься сигарой не лезло ни в какие рамки. Держа в руках форменный стетсон, Филип застыл перед столом Макгрегора по стойке смирно, а тот уже протягивал ему раскрытый ящичек с отличными гаванскими сигарами. В Северо-западной конной полиции субординация соблюдалась строго и никогда не нарушалась. Однажды Филип слышал, как один высокопоставленный полицейский чин заявил: «У нас на службе каждый – король, просто короли бывают разного сорта». Иными словами, предложение сидеть и курить в присутствии инспектора, сделанное к тому же живущему в казарме рядовому, было вопиющим нарушением традиций. С другой стороны, приглашение вышестоящего начальника было равносильно приказу, поэтому Филип молча сел и закурил, ожидая новых неожиданностей. Впрочем, держался он при этом достаточно свободно, с достоинством, так что сразу становилось понятно: сидеть в присутствии сильных мира сего ему не в новинку.

Инспектор, похоже, это заметил. В течение нескольких секунд он неподвижно стоял перед Филипом, засунув руки глубоко в карманы, и только в его холодных, почти бесцветных глазах мелькала легкая дружеская усмешка. Когда встречаются равные, подобное в порядке вещей, но между вышестоящим офицером Северо-западной конной полиции и подчиненным подобная демонстрация расположения была просто неслыханной.

– Неплохие сигары, Стил, не так ли? – осведомился наконец Макгрегор и нарочито медленно повернулся к окну. – Их присылает мне из Реджайны мой близкий друг, торговый представитель компании. В такой ненастный день, как сегодня, нет ничего лучше хорошей сигары. Только послушайте, как завывает ветер! Дует со стороны Медисин-Хэта⁶.

Еще несколько минут Макгрегор смотрел на унылые, тускло-коричневые крыши казарм, над которыми, закручиваемые вихрем, уносились к свинцовому небу редкие дымки, потом обвел привычным взглядом с полдюжины низкорослых, скрюченных деревьев, ненадолго задержавшись на засыпанных снегом клумбах, где торчали теперь лишь высохшие, промороженные будылья. Негромко, словно обращаясь к самому себе, инспектор спросил:

– Скажите, Стил, как у вас... гм... с женоустойчивостью?

Сначала Филип решил, что инспектор шутит, но в голосе начальника не было насмешки. Напротив, он звучал серьезно и так тихо, что в нем слышалось нечто большее, чем просто желание получить ответ. Когда же инспектор отвернулся от окна, Филип с удивлением уловил на его лице нечто прежде невиданное: щеки Макгрегора чуть заметно порозовели, а в бесцветных глазах появился странный блеск. С предельной серьезностью инспектор повторил свой вопрос:

– Мне нужно знать, Стил, насколько вы женоустойчивы. Иными словами, способны ли вы не поддаться женским чарам.

Филип вдруг почувствовал, что у него тоже загорелись щеки. Случайно или намеренно Макгрегор выбрал именно те слова, которые смутили его до глубины души. Способен ли он устоять перед женским обаянием... Неужели инспектор что-то пронюхал? Но как, откуда?!

⁶ Медисин-Хэт – город на юго-востоке провинции Альберта.

Сам того не замечая, Филип вскочил и сделал шаг по направлению к инспектору. Лишь налетев на стол, он немного опомнился и усилием воли заставил себя проглотить готовые сорваться с губ слова.

– Вы спросили, женоустойчив ли я?.. – Он негромко усмехнулся, совсем как инспектор несколько минут назад, и на лице его проступило странное напряжение. Макгрегор ясно видел это, но объяснить не мог.

– Да, сэр, – добавил Филип, пристально глядя на начальника. – Можно сказать, что я достаточно женоустойчив.

– Вы в этом уверены?

– Совершенно уверен, сэр. Конечно, на свой счет легко заблуждаться, но...

Инспектор вернулся за стол и открыл один из ящиков. Оттуда он достал какую-то фотографию. Дымя сигарой, Макгрегор некоторое время разглядывал ее, потом, не отрывая глаз от снимка, произнес:

– Я намерен поручить вам одно необычное дело, Стил. Его необычность заключается в кажущейся простоте. На первый взгляд, это работа для зеленого новобранца, и тем не менее я не сомневаюсь, что во всем Саскачеване не найдется другого человека, с которым я мог бы говорить об этом деле так, как собираюсь говорить с вами. Звучит достаточно парадоксально, не так ли?

– Да, сэр. – Филип кивнул.

– Но только до тех пор, пока вы не вникнете во все обстоятельства, – продолжал инспектор и положил фотографию на стол перед собой изображением вниз. Подняв взгляд, он посмотрел на Филипа сквозь сизое облако табачного дыма. – Я знаю вас, Стил, знаю, кто вы такой. Мне известно, что ваш отец – Филип Стил, крупный чикагский финансист и банкир. Я знаю, что вы вступили в ряды Северо-западной конной полиции в поисках романтики и приключений, а не ради заработка и других преимуществ, которые дает служба. А еще я знаю, что вы родились не в прериях и что большую часть жизни вы провели в светских салонах, где вам на каждом шагу встречались прекраснейшие женщины и где нежные голоса и обольстительные улыбки отнюдь не считаются чудом из чудес, как в наших краях... Да, Стил, как видите, у нас есть свои способы выяснить всю подноготную человека, прежде чем...

– Чертовски эффективные способы, – несколько непочтительно перебил начальника Филип. – Скажите, у вас имеются какие-то особые причины считать меня «женоустойчивым», как вы выразились?

– Причина только одна, и я вам ее уже назвал, – сказал Макгрегор, наклоняясь к нему через стол. – На своем веку вы видели так много красивых женщин и так много общались с ними, что еще одна смазливая мордашка не должна вскружить вам голову. Ну а теперь... – Инспектор запнулся, но тут же рассмеялся. Щеки его покраснели еще больше, когда он снова взял в руки фотографию. – Буду говорить откровенно, – продолжал он. – Эта молодая женщина заходила ко мне вчера, и уже через четверть часа – через пятнадцать минут, Стил! – я был от нее без ума. Она меня буквально околдовала. Понятно? Я не мог устоять перед ней, а ведь я не первый год на службе и должен бы знать, как полагается вести себя в подобных случаях. Кроме того, я ни в кого не влюблялся уже... словом, довольно давно. Вот что вам предстоит сделать, Стил. Вы отправитесь в лагерь Уэкаско – это чуть дальше, чем Ле-Па, – и доставите сюда человека, который содержится там под стражей. Этот человек – муж женщины, которая ко мне заходила. Он обвиняется в том, что едва не убил начальника тамошнего строительства Ходжеса. Ему грозит лет десять как минимум, и жена готова перевернуть небо и землю, чтобы избавить его от тюрьмы. Помогите мне Бог, Стил, если бы я был одним из тех молокососов, что еще не нюхали ни жизни, ни службы, я бы своими руками устроил ему побег! Но ситуация такова, что этого не должно произойти ни в коем случае. Вы меня поняли? Этого не должно случиться. Мне нужно, чтобы вы привезли этого человека сюда, чтобы он предстал

перед судом. Просто, не так ли?.. Всего-то и требуется, что доставить парня из Уэкаско. С этим справится любой новобранец. И тем не менее...

Инспектор прервался, чтобы раскурить потухшую сигару. Выпустив клуб дыма, он добавил:

– Если вы сделаете это, Стил, я прослежу за тем, чтобы вас как можно скорее повысили в звании. – С этими словами он бросил снимок на стол перед Филипом. – Это она. И не спрашивайте, как ко мне попала ее фотография.

Филип с любопытством взял со столешницы маленький картонный прямоугольник и поднял к глазам. С фотографии на него смотрело удивительно красивое лицо, лицо настолько юное, что казалось – оно принадлежит не молодой женщине, а девочке. В ее взгляде, который, казалось, проникал ему в самую душу, было столько юной свежести и очарования, что он с трудом удержался от взволнованного восклицания. В других обстоятельствах он мог бы поклясться, что на снимке изображена школьница. Подняв голову, чтобы задать вопрос инспектору, он увидел, что Макгрегор снова поднялся и смотрит в окно, а вокруг его головы облаком клубится сигарный дым. Не оборачиваясь, инспектор сказал:

– Этот снимок был сделан несколько лет назад... – По его тону Филип понял, что Макгрегор прилагает значительные усилия, чтобы скрыть дрожь в голосе. – Но с тех пор она почти не изменилась. Можно даже сказать – совсем не изменилась. Фамилия арестованного – Торп. Сегодня после обеда я пришлю вам ордер, вечером можете отправляться.

Филип тоже поднялся, подождал несколько секунд.

– Что-нибудь еще, сэр? – спросил он после паузы. – Эта женщина...

– Это все, рядовой, – перебил инспектор, все так же глядя в окно. – От вас требуется только одно – доставить Торпа сюда. Что бы ни случилось, привезите его в Принс-Альберт.

Когда Филип повернулся, собираясь уйти, ему показалось, что за спиной его послышался странный звук: инспектор то ли сдавленно вздохнул, то ли просто поперхнулся. Не сдержавшись, молодой человек бросил на начальника быстрый взгляд через плечо, но Макгрегор по-прежнему стоял к нему спиной.

«Что, ради всего святого, это может значить, – задался вопросом Филип, закрывая за собой дверь. – Ты получил очень странное задание, Стил. Готов поспорить на что угодно! Повышение только за то, чтобы доставить арестанта из одного пункта в другой? Хотел бы я знать...»

Оказавшись на улице, он остановился на расчищенной от снега дорожке и глубоко задумался. Со стороны большого, приземистого крытого экзерциргауза⁷, ярдах в ста от него, по-прежнему доносился глухой стук лошадиных копыт и иногда – хриплый рев сержанта Моды, выкрикивавшего команды новобранцам. У Моды была репутация человека с железными нервами, способного без колебаний выйти с голыми руками против пушек, если того потребует служебный долг. В Северо-западной полиции он служил с незапамятных времен и к женским чарам был устойчивее каменной статуи. Почему же Макгрегор не отправил за Торпом его?

«Женоустойчив!» Господи, ну и словечко выдумал инспектор! Сначала оно показалось Филипу даже забавным, но сейчас это слово вызвало в нем новую волну сожалений, мыслей о доме и смутной, глухой тоски. «Интересно, что еще известно Макгрегору?» – размышлял молодой человек, вернувшись в казарму. Усевшись на койку, он попытался снова вызвать в памяти образы двух женщин, которые сыграли в его жизни важную роль. Первой была девушка с золотыми волосами, прекрасная, как Диана де Пуатье⁸, и бездушная, как Сфинкс, – та самая, которая предложила ему себя в обмен на его имя и миллионы. Второй стала молодая женщина, которую он встретил на безлюдных, замороженных пространствах близ озера Бейн. Жено-

⁷ Экзерциргауз – крытое помещение для военных упражнений в холодную и ненастную погоду, манеж.

⁸ Диана де Пуатье (1499–1566) – официальная фаворитка короля Генриха II Валуа, имевшая власть и влияние во Франции.

устойчив, ха!.. Филип засмеялся и набил трубку. Макгрегор мыслил совершенно правильно, но ничего не знал ни о том, что произошло с его подчиненным до отъезда на Север в поисках приключений, ни тем более о стычке между Филипом Силом и Баком Номом, дезертиром, причиной которой послужила жена полковника.

Глава VI

Филип следует за прекрасной незнакомкой

Обед давно закончился, когда Филип наконец-то получил на руки письменный приказ, который доставил ему какой-то новобранец. Приказ был составлен в строгом соответствии с официальными требованиями: он наделял Филипа всеми необходимыми полномочиями и предписывал уже вечером выехать в Ле-Па. К инструкциям был приложен листок бумаги, на котором Макгрегор написал то же самое, что говорил Филипу несколько часов назад: «Что бы ни случилось, доставьте арестованного в штаб». Подпись под бумагой отсутствовала, первые слова были жирно подчеркнуты, и Филип задался вопросом, что на самом деле могло означать это двойное предупреждение. Инспектор никогда не давал необдуманных распоряжений, поэтому эти его слова, несомненно, имели огромное значение, вот только какое? Если это действительно было предупреждение, почему тогда Макгрегор не сообщил ему никаких подробностей?

Весь следующий час, готовясь к походу и собирая вещи, Филип ломал голову над сложившейся ситуацией. Задание, которое он получил, действительно выглядело предельно простым. Человек по фамилии Торп пытался совершить убийство в Уэкаско, но был арестован, и теперь ему, рядовому Стиллу, предстояло доставить преступника в Принс-Альберт. С этим справился бы и самый зеленый полицейский во всем Саскачеване – или даже полицейский, только что вставший с больничной койки, и тем не менее... тем не менее Макгрегор счел нужным послать в Ле-Па *его*.

Снова и снова Филип перечитывал загадочную записку инспектора. «Что бы ни случилось...» Вопреки всему эти слова заставляли его кровь быстрее бежать по жилам. С той самой минуты, когда Филип вынудил Бака Ному дезертировать со службы, он не испытывал такого волнения, как сейчас. Должно быть, именно умственное возбуждение, в которое он пришел, заставило его спросить себя: неужели на Севере нашлась женщина столь же прекрасная, как жена полковника Беккера, которая совершила невозможное – вскружила голову инспектору Макгрегору, точно так же как Изабель очаровала Бака Ному и его самого? И не может ли стать, что между этими двумя женщинами – женой несостоявшегося убийцы и супругой полковника – существует какая-то тонкая связь? Что-то, что их объединяет и делает похожими, при всем внешнем несходстве?

С губ Филипа сорвалось досадливое восклицание. Вопрос, который он сам себе задал, показался молодому человеку настолько нелепым, чтобы у него вспыхнули щеки. И все же ему никак не удавалось избавиться от эмоций, которые всколыхнули в нем эти мысли. В любом случае, решил он, все эти предупреждения и недомолвки неспроста. Что-то случится. Что-то обязательно должно случиться – Филип был в этом уверен. Поступки и слова Макгрегора, его непонятная нервозность, тот странный полукашель-полувсхлип, который почудился молодому человеку, когда он покидал кабинет инспектора, – все это было в высшей степени необычно. А значит, инспектор не зря подчеркнул свое последнее предупреждение жирной чертой: «Что бы ни случилось...» Похоже, он был уверен: что-то непременно случится и причиной тому станет девушка, чье очаровательное юное лицо Филип видел на фотографии. В том, что Макгрегор понимает природу опасности (если его подчиненному вообще суждено с таковой столкнуться), Филип не сомневался, и точно так же он готов был побиться об заклад, что у инспектора имелись очень веские причины не говорить ему о деле больше, чем он сказал. Что ж, Филип был не в претензии, ведь то, что ему предстояло, сулило самые настоящие приключения. Тайна, азарт, даже романтика – ко всему этому Филипа тянуло чуть не с самого рождения. В то же время он испытывал и другое, прямо противоположное чувство, которое удивило и обеспокоило его. Всего несколько дней назад его единственным желанием было покинуть Север, уехать,

чтобы оказаться как можно дальше от озера Бейн. Теперь же ему не терпелось исполнить свой служебный долг, который требовал вернуться туда, где он встретил женщину, чье прекрасное лицо навсегда осталось в его мыслях и сердце. Нет, Филип не рассчитывал снова встретить Изабель: Уэкаско хоть и находился на севере, но отстоял от озера Бейн на несколько дней пути. И все-таки... все-таки они будут ближе, подумал Филип, и одного этого оказалось достаточно, чтобы его сердце забилося быстрее.

К поезду Филип приехал минут за десять до отправления. Это время он использовал для того, чтобы потолкаться среди собравшихся на станции пассажиров. Из намеков Макгрегора следовало, что сюрпризов, с которыми мог бы столкнуться его порученец, следовало ожидать от женщины с фотографии, и Филип старательно высматривал ее в толпе. Но ни на станции, ни в поезде не было никого похожего. Филип дважды прошел по вагонам – сначала в одну, затем в другую сторону, но не увидел никого, кто хотя бы отдаленно напоминал интересующую его персону.

Было уже довольно поздно, когда он сошел с поезда в Этомами, откуда железнодорожная ветка Компании Гудзонова залива тянулась на шестьдесят миль дальше к северу. На рассвете он сел в служебный вагон товарного поезда, который должен был доставить его в Ле-Па. В вагоне Филип оказался единственным пассажиром.

— Перед нами на север не отправлялась даже дрезина, — сообщил ему тормозной кондуктор, когда Филип спросил, не мог ли кто-то их опередить. — Наш состав — первый за пять дней.

И Филип подумал, что, несмотря на снедающее его беспокойство и предупреждения инспектора, задание все-таки окажется достаточно легким. Два дня назад женщина с фотографии побывала в кабинете Макгрегора, следовательно, добраться до Уэкаско или Ле-Па раньше Филипа она могла, только если бы отправилась в путь на собачьей упряжке. Это, однако, представлялось настолько маловероятным, что он даже почувствовал себя разочарованным. Позавтракав с поездной бригадой, Филип завалился спать и проснулся, только когда паровоз, с тру-

дом пробившись сквозь завалившие пути сугробы, с пыхтением остановился у заснеженной хижины торгового поста на реке Саскачеван. Пока молодой человек натягивал парку, кондуктор подал ему письмо.

– Это было в почте, которую мы везем в Ле-Па, – сказал он. – Наверное, нет смысла ждать, пока мы туда прибудем, раз уж вы и письмо едете в одном поезде.

– Спасибо, – поблагодарил Филип, разглядывая конверт. – Заказное, из штаба... Хотел бы я знать, почему его отправили по почте, а не с нарочным? Тогда я получил бы его еще до того, как сел в вагон.

Он вскрыл конверт и достал оттуда сложенный листок бумаги. Это не был официальный бланк Северо-западной полиции, но молодой человек сразу узнал почерк и затейливую подпись инспектора. Макгрегор гордился своим почерком и любил повторять, что не родился еще тот человек, который смог бы подделать его руку.

Прочтя выведенные на бумаге строки, Филип удивленно присвистнул.

«Что бы ты ни делал, – говорилось в письме, – прислушайся к голосу своей совести. И тогда люди и Бог вознаградят тебя. *Феликс Макгрегор*».

Это было все. Ни даты, ни объяснений. Даже имя Филипа значилось только на конверте, но не в самом письме. Судя по почтовому штемпелю, письмо отправили вчера, в половине пятого, а между тем, когда Филип разговаривал с инспектором в его кабинете, было уже начало шестого. Похоже, Макгрегор написал письмо еще до их разговора – до того, как несколько раз настойчиво повторил: «Что бы ни случилось, доставь арестованного сюда». По всей видимости, в письме содержались окончательные инструкции, ибо оно, несомненно, было отправлено с таким расчетом, чтобы Филип получил его только сейчас. Но что все это значит?!

Этот вопрос не давал молодому человеку покоя, он задавал его себе снова и снова – и не находил ответа. Сойдя с поезда в Ле-Па, он направился в убогую местную гостиницу. Филип был уверен, что в действиях инспектора имелся какой-то скрытый смысл. Макгрегор явно хотел ему что-то сказать, но что?

За сотню ярдов до гостиницы, окна которой ярко светились в темноте приполярной ночи, Филип вдруг остановился и, громко хмыкнув, принялся набивать трубку. Ему пришло в голову, что он знает, почему Макгрегор выбрал для этого задания именно его, почему не поручил доставить арестованного из Уэкаско кому-то другому. Должно быть, инспектор был уверен, что Филип, который окончил колледж и вращался в высшем обществе, сумеет отыскать ключ к головоломке, которая поставит в тупик и сержанта Моды, и ему подобных, заставив потребовать разъяснений. А инспектор Макгрегор, прослуживший в Северо-западной полиции больше двадцати лет и слышавший грозой преступников на огромном пространстве от побережья до побережья, никаких разъяснений давать не хотел.

При мысли о том, как сильно рискует инспектор, Филип снова испытал волнение и тревогу. Если содержание записки, которую он держал в руках, станет известно, это, несомненно, положит конец карьере Феликса Макгрегора. В лучшем случае инспектора ожидали бы позор и немедленная отставка. В худшем – он мог бы угодить под суд.

Спрятав письмо поглубже в карман, Филип заспешил дальше. Огни небольшого поселка блестели всё ярче, из китайской кофейни на берегу замерзшей реки доносились визгливые звуки аккордеона. Где-то выла собака, то ли избитая хозяином, то ли пострадавшая в драке с другими псами. На улице огней было больше всего, они казались красноватыми на фоне черного леса, пьяный метис громко пел какую-то удалую песню на смеси кри и французского. Прислушавшись, Филип разобрал, что это была песнь охотников на карибу. Потом откуда-то издали донесся резкий щелчок кнута, следом – лай канадских лаек, и вскоре нарты, запряженные шестеркой собак, пронеслись так близко, что Филип вынужден был отскочить в сторону. Таков был Ле-Па, преддверие диких земель. За ним, на другом берегу замерзшей реки, которая, заснеженная и тихая, лежала в темноте перед ним, начиналась бесконечная страна

романтики и тайн, которую он так любил, край глубоких снегов и немногословных, закаленных трудностями и морозом мужчин, где правил один-единственный закон – закон выживания сильнейших. Впрочем, в этих краях большинство людей старались руководствоваться евангельским принципом «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», и, как правило, этого хватало, чтобы уцелеть. Никогда сердце Филипа Стила не билось так легко и радостно, как сейчас, когда, оставив далеко позади все свое богатство и прежний круг, он стоял на пороге огромного северного Неведомого.

Поскольку обед поездной бригады Филип проспал, сейчас он чувствовал волчий голод. Не мешкая больше, молодой человек вошел в гостиницу и сел в самом теплом углу темноватой, с низким потолком обеденной залы «Малого Саскачевана». До обычного времени подачи блюд оставалось еще минут пятнадцать, однако не успел он опуститься на стул, как в зал вошел кто-то еще. Оторвав взгляд от писем, которые он разложил на столе перед собой, Филип поднял голову и увидел закутанную в меха женщину. Заметив молодого человека, она резко свернула и села за соседний столик спиной к нему, так что он лишь изредка наблюдал ее профиль.

Этого, впрочем, было достаточно, чтобы Филип понял: женщина молода и хороша собой. На голове у нее была шапка из серебристого меха рыси, из-под которой виднелись блестящие каштановые волосы, при каждом движении сверкавшие в свете ламп полированной медью. Собранные сзади в кокетливый низкий пучок, волосы казались такими густыми и мягкими, что Филипу захотелось к ним прикоснуться. Время от времени взгляду его открывались нежная розовая щека и прелестный подбородок, лишь отчасти скрытые воротником из того же дорогого меха.

Принесли заказ, но, несмотря на голод, Филип жевал почти механически, не чувствуя вкуса. Его разум бился над загадкой, которую молодой человек никак не мог разрешить. Лишь изредка он отрывался от своих мыслей, чтобы бросить взгляд на женщину за соседним столом. Довольно скоро Филип убедился, что и она исподтишка поглядывает на него, но успевает каждый раз отвернуться, чтобы он не успел перехватить ее взгляд. Неравнодушный к женской красоте, Стил все чаще устремлял свой взор на шелковистые, сверкающие здоровьем и молодостью медно-красные локоны незнакомки.

Филип почти закончил есть, когда движение за соседним столом привлекло его внимание. Он поднял голову и почувствовал, как сердце в груди пропустило удар. Женщина встала из-за стола и стояла, повернувшись к нему лицом. На мгновение их глаза встретились. По лицу незнакомки скользнуло странное выражение, словно она хотела что-то ему сказать, и тут он ее узнал.

Это была миссис Торп, женщина с фотографии Макгрегора. Да, сейчас она выглядела старше, но и красивее. Очертания лица и темные глаза остались теми же, что и на снимке в кабинете инспектора, но сейчас вместо беззаботной детской радости они излучали бесконечную печаль. Еще мгновение – и Филип успел бы воспользоваться тем, что она замешкалась, сумел бы найти слова, которые открыли бы ему тайну горестно дрожащих губ, но, прежде чем он открыл рот, женщина повернулась и стремительно двинулась к выходу. Лишь у двери, прежде чем исчезнуть, она снова обернулась к нему, и он прочел на ее лице доверчивую мольбу, словно она знала, зачем он сюда приехал, и безмолвно просила о милосердии.

Резко отодвинувшись от стола, Филип вскочил, сорвал с вешалки шапку и, наклонившись, чтобы не разбить голову о низкую притолоку, поспешил за миссис Торп. Она не успела отойти слишком далеко, и он мгновенно составил в уме план. Он догонит ее, назовет себя, и тогда, быть может, ему удастся разобраться в противоречивых инструкциях Макгрегора.

Миссис Торп быстро шла по главной улице поселка, и Филип бросился следом. Он уже догонял ее, когда женщина вдруг свернула на протоптанную в снегу тропу, которая вела куда-то к реке. Впереди не видно было ни зги – только мутноватые звезды перемигивались в морозном ночном небе, да темнел вдали девственный лес.

Кровь быстрее побежала по жилам молодого человека. Филип уже догадался: миссис Торп знала, что он пойдет следом, чувствовала, что он уже близко, – потому-то и свернула на глухую тропу, где никто их не увидит. Теперь ему оставалось только догнать ее и задать свои вопросы, но Филип не спешил сократить разделявшее их расстояние. Напротив, он пошел медленнее и даже стал что-то насвистывать себе под нос. Он был абсолютно уверен, что рано или поздно женщина остановится и дождется его. Вот как раз подходящее место, подумал Филип, завидев впереди группу молодых елей. И действительно, женщина свернула к ним и почти сразу растворилась в густой тени между стволами и ветками.

Филип пошел быстрее. Еще десять-двенадцать шагов – и он тоже оказался в густом мраке под елями. Впереди раздавался негромкий хруст снега под легкими шагами женщины. Он двинулся было на звук, но тут же снег захрустел и у него за спиной, послышались шорох потревоженных ветвей и тяжелое, хриплое дыхание, которое, вне всякого сомнения, принадлежало мужчине. Рука Филипа метнулась к кобуре, но чьи-то сильные руки обхватили его сзади, кто-то еще прыгнул на него сбоку, и общими усилиями эти двое повалили его на снег. Нападавшие стиснули локти Филипа, заводя их за спину, и заткнули ему рот тряпкой. Крепкая, грубая веревка оплела запястья и лодыжки, и он, беспомощный, распростерся у ног неизвестных.

Борьба была короткой и совершенно бесшумной. Нападавшие не издали ни звука и тогда, когда, подняв Филипа, поволокли его вслед за женщиной. Буквально в сотне шагов за елями молодой человек разглядел темный силуэт старой хижины с провалившейся крышей. Его втащили туда и положили на какой-то предмет, напоминающий сундук. Потом вспыхнул свет.

Филипу пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем глаза освоились со светом и он сумел разглядеть своих противников. Один – тот, что напал сзади, – хотя и был в годах, выглядел настоящим гигантом. Длинные, желтоватые, с проседью волосы рассыпались по его мощным плечам, давно не стриженная косматая седая борода падала на широкую грудь. Второй казался почти мальчишкой, но в его поджаром теле и быстрых движениях угадывались проворство и сила лесного жителя. Несколько слов, произнесенных им вполголоса, подсказали Филипу, что перед ним отец и сын.

Пока Филип пытался придумать какой-нибудь выход из положения, в которое угодил, старик и его сын вытащили из дальнего угла комнаты длинный сосновый ящик. Они как раз опускали его на пол рядом с ларем, на котором лежал Филип, когда дверь хижины отворилась и вошел еще один человек. Пожалуй, никогда прежде Филип не видел столь отталкивающей физиономии, которая стала еще уродливее от глумливой ухмылки. Пришелец оглядел пленника с выражением злорадного триумфа на лице. Он был невысок ростом, полноват, но широкоплеч, а его темные глаза, губы и нос почти терялись между пухлых, чисто выбритых щек. Повернувшись к отцу и сыну, которые так и стояли, склонившись над ящиком, толстяк неожиданно громко хрустнул суставами пальцев и просипел, словно астматик:

– Привет-привет... Отличная работа. – И, произнеся эти четыре слова, он тоже погрузился в молчание.

Филип перевел взгляд на стоящий в пятне света керосиновой лампы ящик и вздрогнул от ужаса. Это был гроб, сколоченный из едва оструганных досок. Никто из троих не произнес больше ни слова, однако, действуя на редкость слаженно, они окружили Филипа со всех сторон и, подняв его на руки, переложили в гроб. К своему огромному удивлению, он обнаружил, что лежит на чем-то мягком, словно внутренность странной тюрьмы была обита войлоком или выложена простеганной тканью. Потом ему осторожно освободили стянутые за спиной руки и привязали их к бокам. Широкими ремнями, шедшими от одного бортика к другому, его тело и ноги притянули к днищу гроба, словно он каким-то чудом мог выпорхнуть из него через верх. Еще мгновение – и на лицо Филипа легла тень, а уже через секунду он оказался в непроглядном мраке.

Не сразу молодой человек понял, что случилось. Только потом до него дошло, что гроб накрыли крышкой. Он услышал частые удары молотка и хруст впивавшихся в дерево гвоздей. Лишь тогда Филип забарахтался в своей тюрьме, корчась всем телом и пытаясь освободить руки или ноги, но все было тщетно. Веревки и ремни, которыми его связали, не поддались и

на четверть дюйма. Он не мог даже позвать на помощь, потому что кляп так и остался у него во рту.

Какое-то время спустя Филип взял себя в руки и расслабился, чтобы перевести дух и восстановить силы. Снаружи до него доносился приглушенный гул голосов. Потом он уловил тусклый луч света, который пробивался откуда-то сбоку. Сначала Филип решил, что из доски просто выпал сучок, но, повернув голову сперва в одну, потом в другую сторону, он обнаружил с дюжину небольших отверстий, просверленных в боках и в крышке гроба. Несомненно, это было сделано затем, чтобы он не задохнулся, и Филип испытал приступ облегчения. Судя по всему, его не собирались закапывать в землю живьем, во всяком случае – не в ближайшее время. Это его немного успокоило, и Филип вдруг понял, что, несмотря на путы, чувствует себя довольно комфортно, поскольку схватившие его люди не только отделали гроб изнутри мягким материалом, но даже подложили ему под голову тонкую подушку.

Интересно, что будет дальше, подумал молодой человек и приготовился к долгому ожиданию.

Глава VII

Неожиданный поворот

Прошло, однако, всего несколько минут, и дверь хижины открылась, а потом закрылась вновь, и Филип услышал чьи-то тяжелые шаги. На некоторое время наступила тишина, и он невольно подумал: предвидел ли Макгрегор подобный поворот событий? Или то, что с ним произошло, с самого начала входило в планы инспектора? При мысли об этом Филип невольно сжал кулаки. Впрочем, он постарался успокоиться и мыслить рационально. Те, кто на него напал, не причинили ему никакого физического вреда. Они даже не отобрали у него оружие – только вынули служебный револьвер из кобуры и положили рядом с ним в гроб, а еще расстегнули пояс с патронами, чтобы ему было удобнее лежать. «Ну и что все это может значить?» – в сотый раз спросил себя Филип.

Снова стукнула дверь, прервав его размышления. Судя по всему, в хижину вошли сразу несколько человек, и до Филипа долетел приглушенный шепот. Молодой человек прислушался. В какой-то момент ему показалось, что до него донесся мягкий женский голос, но он не был уверен, что слух его не обманывает. Потом он почувствовал, как чьи-то руки приподняли гроб и со скрежетом протащили по трухлявому полу хижины. Из просверленных в стенках отверстий потянуло холодом, и в тот же миг гроб приподнялся над землей. Мужчины, подхватившие его на руки, сделали около десятка шагов, после чего Филип почувствовал, что гроб опускают на какой-то предмет в снегу. Его удивление возросло еще больше, когда он догадался, что происходит.

Он был на нартах. На крышке гроба скрипнули захлестнутые за боковины торочные ремни, послышалось нетерпеливое повизгивание и скулеж собак. Потом над самой головой Филипа гикнул погонщик, и нарты рывком стронулись с места. Щелкнул кнут, погонщик крикнул на собак, понуждая упряжку прибавить ходу. На мгновение до слуха Филипа снова долетела визгливая мелодия аккордеона, и, повернув голову, он увидел сквозь отверстия в досках, что нарты выехали с тропы на главную улицу и остановились перед ярко освещенным фасадом харчевни, откуда доносились громкие хриплые голоса, взрывы смеха и чья-то пьяная песня.

Один из противников Стила слез с нарт и отправился в бар, а его напарник уселся на гроб верхом, перекрыв ногой отверстия с одной стороны.

– Куда собрался, Финджи? – спросил чей-то голос.

– В Уэкаско, – отозвался сидевший на гробе мужчина, и по сиплым, астматическим ноткам Филип узнал толстяка, который вошел в хижину последним.

– Там что, еще один покойник? – задал новый вопрос незнакомый голос.

– Нет... пока нет. Мы едем по своим делам, нас просто попросили захватить попутный груз – карты и кое-какие инструменты для начальника строительства, мистера Ходжеса. Лишняя пара долларов никогда не помешает, вот мы и согласились, тем более что нам по пути... Не пойму только, из-за чего такая спешка, – заказчик настаивал, чтобы мы тронулись в путь на ночь глядя. Впрочем, кто платит, тот и музыку заказывает. Слушай, а ты сейчас внутри? Увидишь... скажи, чтоб поторопился. Он пошел взять в дорогу бутылочку, да что-то нет его.

Щелчок кнута помешал Филипу расслышать названное Финджи имя, но сейчас это занимало его в последнюю очередь. Бумаги и инструменты для мистера Ходжеса в Уэкаско, мысленно ахнул Филип, так вот оно что!..

И он с еще большим вниманием стал прислушиваться к разговору снаружи, но ничего интересного не услышал. Напарник Финджи скоро вернулся, хлопнул кнут, послышалась сиплая команда, и нарты рванули с места.

Значит, его везут в Уэаско, к тому самому мистеру Ходжесу, на чью жизнь покушался арестованный Торп, которого Макгрегор приказал доставить в штаб, понял Филип, лежа в тряской темноте. Но правду ли сказал Финджи?.. И если да, то предвидел ли инспектор подобный поворот событий?

Примерно полчаса нарты, на которых лежал Филип, довольно быстро скользили по хорошо утопанной тропе, и молодой человек снова и снова задавал себе этот и множество других вопросов, которые, увы, не имели ответа. В одном он был уверен: рыжеволосая миссис Торп намеренно заманила его в засаду. Но если он ее пленник, тогда почему его везут, словно посылку, этому Ходжесу, человеку, который обвинил ее мужа в покушении на собственную жизнь и потребовал для него самого сурового наказания?

Чем больше появлялось у него вопросов, тем глубже становилось его недоумение. Противоречивые приказы и странное поведение инспектора, мольба о помощи, которую он заметил в глазах молодой женщины, засада в лесу и вот теперь эта ночная поездка в гробу в Уэаско – все это было настолько странно, что Филипу никак не удавалось увязать одно с другим. Он окончательно запутался и не брался даже строить предположения. До некоторой степени его успокаивало только то, что путешествует он с относительным комфортом. Судя по скорости, которую развили собаки, через два – два с половиной часа они будут уже в Уэаско – если, конечно, это и есть истинная цель странной поездки. Быть может, тогда что-то начнет проясняться.

В том, что его жизни ничто не угрожает, Филип был теперь почти уверен. Ведь для того, чтобы расправиться с ним, вовсе не требовалось везти его куда-то далеко. Кроме того, его хотя и связали, но оставили ему оружие. Кто-то позаботился о том, чтобы обить гроб изнутри мягкой толстой тканью, предохранявшей Филипа от холода и ушибов, и даже подложил ему под голову подушку. Хорошим знаком служило и то, что во время нападения ему не причинили физического вреда, да и потом его не били, не угрожали смертью. Похоже было, что все идет в точном соответствии с чьим-то планом, отводящим ему определенную роль, о которой, впрочем, Филип по-прежнему не имел ни малейшего понятия. Ну так что же?.. Не зря инспектор так напирал на многозначительное «что бы ни случилось». Сейчас Филип припомнил, что Макгрегор особо выделил голосом эти слова, да и повторил их не единожды. Быть может, хотел предупредить подчиненного как раз о том, что происходит, заставить держаться настороже и в то же время не особенно беспокоиться, если вдруг случится что-то в высшей степени неординарное? Похоже на то, хотя полной уверенности в том, что его предположения правильны, у Филипа по-прежнему не было.

Все эти многочисленные противоречивые, путанные мысли бродили у него в мозгу, но были и другие. Непрошенные, назойливые, они возникали снова и снова, и вскоре Филип уже не мог не думать о Номе и женщине, которую полюбил, в чем откровенно себе признавался. Если бы все сложилось иначе, если бы события разворачивались по-другому, он мог бы, пожалуй, заподозрить, что к происходящему причастен Ном, но Филип отбросил эту мысль, едва она появилась. После этого он мог только мысленно представлять себе двух женщин – ту, что прилагала все усилия для спасения мужа, и другую, которую сам он любил и хотел спасти *для* мужа. Думая об этих двоих, Филип почувствовал тупую боль в груди. Он не мог не сравнивать силу чувства, веру и преданность той, чей муж обвинялся в серьезном преступлении, с легкомыслием миссис Беккер. А ведь в глазах этой последней он разглядел – или думал, что разглядел? – чистоту, с которой могла соперничать разве что чистота ангелов небесных, однако на самом деле уважения заслуживала вовсе не Изабель, а жена преступника.

Подумав об этом, Филип испытал еще один, более сильный укол боли и некоторое время прилагал немалые старания, чтобы прогнать посторонние мысли и сосредоточиться на делах насущных. Повернув голову и глянув в просверленные отверстия, он увидел, что на небо вышла луна и теперь слева и справа от него искрился в ее свете нетронутый снег по сторонам

тропы. Вскоре, однако, упряжка покинула открытое пространство и углубилась в лес, так что он не мог различить ничего, кроме смутных, темных теней. По его расчетам, они покинули Ле-Па чуть больше двух часов назад, когда нарты неожиданно остановились – и Филип различил несколько мерцающих огоньков.

«Наверное, это Уэкаско, – подумал он. – Так, а это еще кто?..»

Последняя мысль относилась к резкому голосу, который раздался с противоположной стороны нарт.

– Это ты, Финджи? – спросил голос. – Что у тебя в санях?

– Ваши карты и инструменты, сэр, – просипел Финджи. – Завтра меня ждут в другом месте, поэтому я решил доставить их сегодня.

Послышался звук захлопнувшейся двери, потом какой-то человек, скрипя по снегу мокасинами, подошел к нартам и встал возле самой головы Филипа.

– Ну и ну! – воскликнул тот же голос. – Какого черта ты положил их в гроб?!

– Ваши карты не влезали ни в один ящик, а гроб валялся у нас без дела, с тех пор как в нем свезли на кладбище Макви. В конце концов, какая разница, в чем я привез ваши карты? Да и гроб может вам пригодиться... – Финджи мрачно хохотнул. – Вот ей-богу, он вам еще понадобится!

Минуту спустя гроб отвязали от нарт, и Филип почувствовал, что его несут вверх по ступенькам. Скрипнула дверная петля, и он понял, что домовину переворачивают. Мгновение – и гроб прислонили к стене, так что теперь молодой человек уже не лежал в нем, а стоял.

– Не так! – сердито проворчал Ходжес. Филип уже догадался, что это был он. – Положите его вон там, в углу.

– Ни за что, сэр! – с горячностью возразил Финджи, громко хрустнув суставами пальцев. – Я не трус, мистер Ходжес, но с почтением отношусь к покойникам, а раз в этом ящике побывал покойник, то... Видите красную табличку? На ней написано: «Голова. Этим концом вверх», а значит, так тому и быть. Хотите – сам укладывайте его на пол, а я не хочу, чтобы дух Макви таскался ко мне по ночам! – Финджи шагнул к гробу. – Впрочем, табличку я сниму, мистер Ходжес, – добавил он. – Негоже, чтобы она тут была, если внутри нет никакой «головы», а только ваши карты и инструменты.

Если бы рот Филипа не был плотно заткнут тряпкой, он, возможно, не удержался бы от удивленного восклицания. Когда Финджи сорвал табличку, перед самыми глазами Филипа появилась щель, не больше четверти дюйма шириной и около шести дюймов длиной, сквозь которую он разглядел просторную, хотя и темноватую комнату, освещенную большой висючей лампой. У дальней стены, возле входной двери, стоял седой великан, который подстерег его в засаде. Рядом с ним маячил толстяк Финджи. А за их спинами Филип увидел начальника строительства Ходжеса, имевшего такой вид, словно ему не терпелось поскорее отделаться от этой парочки. И действительно, как только дверь за ними закрылась, Ходжес порывисто бросился к столу. Он явно пребывал в сильном возбуждении – сквозь щель в гробу Филип хорошо видел его пошедшее красными пятнами лицо. С размаху усевшись на стул, Ходжес некоторое время перебирал лежавшие на столе бумаги, потом снова вскочил, бросил взгляд на часы и принялся беспокойно расхаживать по комнате из стороны в сторону.

– Итак, она придет, – пробормотал он с усмешкой. – Наконец-то!..

Ходжес снова посмотрел на часы, поправил шейный платок и с хищной улыбкой потер руки.

– Красотка решила уступить, – проговорил он, мельком бросив взгляд в направлении гроба. – Что-то, однако, она задерживается!..

В дверь негромко постучали. Ходжес бросился к ней и распахнул настежь. Какая-то фигура скользнула мимо него в комнату. Это была женщина. На одно краткое мгновение она повернулась в сторону гроба, и Филип узнал красивое лицо, которое видел в Ле-Па чуть больше

двух часов назад и которое улыбалось ему с фотографии в кабинете Макгрегора. Но, боже, как оно изменилось! Даже в сравнении с тем, как оно выглядело в обеденной зале, когда незнакомка хотела, но не решилась о чем-то его просить. Неподвижное и мраморно-бледное, оно было искажено печатью ужаса, глаза напоминали два черных колодца, и только на самом их дне мерцал мрачный огонь, который обжег Филипа даже сквозь узкую щель в крышке гроба.

Ходжес шагнул вперед, протягивая к ней руки, и женщина повернулась к нему с низким, прерывистым вздохом.

Еще шаг – и Ходжес заключил бы ее в объятия, но миссис Торп проворно отступила в сторону и указала ему на стул по другую сторону стола.

– Сядьте! – негромко воскликнула она. – Сядьте и слушайте!

Действительно ли она взглянула на гроб у стены с безмолвной мольбой, или Филипу это только показалось? Сердце его отчаянно стучало, на лбу выступила испарина. Теперь он был уверен: каждое ее слово адресовано ему.

– Да садитесь же! – снова воскликнула миссис Торп, ибо Ходжес колебался, явно не зная, как ему себя вести. – Да-да, вон там... А я сяду здесь. Прежде чем мы... прежде чем я позволю вам прикоснуться ко мне, я должна кое-что объяснить. Не перебивайте меня и слушайте... Слушайте!

И снова Филип подумал, что последнее слово было обращено к нему.

Начальник строительства опустил на стул, гостя села напротив, так что ее лицо было обращено к стене, где стоял гроб. Сняв меховую шапку, она опустила воротник шубы, и свет большой висячей лампы заиграл на ее волосах, сделав еще заметнее костяную бледность щек, на которых еще совсем недавно играли нежные краски молодости. Впрочем, Филипу почему-то казалось, что бледность эта вызвана вовсе не страхом.

– Я должна сказать вам несколько слов и хочу, чтобы вы меня поняли, – проговорила миссис Торп, устремив взгляд на сидящего перед ней мужчину. – Ради своего мужа я готова была пожертвовать жизнью, но вы потребовали большего. Я должна быть уверена, что получу свою награду.

Ходжес наклонился вперед, собираясь что-то сказать, однако женщина опередила его.

– Слушайте же! – воскликнула она, и на бледной коже ее щек проступил лихорадочный румянец. – Это вы заставили моего мужа приехать сюда, когда из-за неудачного стечения обстоятельств мы потеряли наш маленький дом в Мэрионе. Вы предложили ему работу, и он согласился, потому что считал вас своим другом. И он продолжал считать вас другом даже после того, как я узнала, что на самом деле вы просто мерзавец, который собирается разрушить его жизнь – и мою тоже. Он не слушал, когда я, стараясь не вызвать подозрений, говорила ему о том, как вы мне отвратительны. Мой муж слишком верил в вас, в вашу дружбу и не допускал даже тени сомнений на ваш счет. Он готов был сражаться за вас, а вы... вы...

В волнении молодая женщина вцепилась руками в край стола. Эмоции душили ее, и в течение нескольких секунд она не могла говорить. Когда же к ней вернулся дар речи, голос ее звенел от ненависти:

– Вы преследовали меня, как змея преследует птицу с перебитым крылом! Каждую минуту и каждый час своей жизни я страдала и мучилась, потому что муж верил вам, а я не смела открыть ему правду. И я молчала – молчала до того дня, когда однажды вечером, пока мужа не было дома, вы явились к нам в дом, схватили меня в объятия и стали целовать против моей воли. Тогда... тогда я рассказала ему все. Муж бросился искать вас. Он убил бы вас, если бы рядом не было людей, которые и спасли вас от справедливого возмездия. И, клянусь Богом, теперь я люблю его еще сильнее, потому что он хотел отомстить за меня. Но я совершила ошибку. Я должна была убить вас сама!

Она судорожно всхлипнула и не смогла продолжать. Воспользовавшись паузой, Ходжес вскочил на ноги и, обогнув стол, ринулся к ней. Его лицо горело, губы изогнулись в торжеству-

ющей улыбке, но жена Торпа оказалась проворнее. Она тоже вскочила и отшатнулась в сторону. Из своей темницы Филип видел, как часто поднимается ее грудь, как вспыхнули опасным огнем ее глаза, когда она повернулась к Ходжесу.

– О, такая вы нравитесь мне еще больше! – воскликнул он и с каким-то звериным ревом, в котором слышались торжество победителя и неуголенная страсть, обхватил миссис Торп обеими руками и крепко прижал к себе.

Кровь вскипела в жилах Филипа. Он видел, как лицо женщины снова побледнело от ужаса и отвращения, видел, как она старается вырваться из рук Ходжеса, слышал сорвавшийся с ее губ сдавленный вопль. Напрягая все силы, Филип попытался избавиться хотя бы от кляпа во рту. Одновременно он старался разорвать веревки, и гроб, качнувшись, едва не рухнул на пол, но все было тщетно. Обливаясь потом, молодой человек снова взглянул в щель перед собой. Во время борьбы пучок на затылке женщины ослаб, и блестящие длинные волосы разметались по спине. Обеими руками она вцепилась Ходжесу в горло, потом одна ее рука скользнула куда-то вниз, к поясу платья. Раздался приглушенный выстрел. Ходжес неуклюже попятился и со стоном осел на пол.

Потрясенная содеянным, миссис Торп несколько секунд стояла неподвижно с дымящимся пистолетом в руке и не отрываясь смотрела на неподвижное тело у своих ног. Потом медленно, словно человек, оказавшийся перед лицом обвинителя, она повернулась к гробу. Пистолет выпал из ее руки, но прекрасное лицо даже не дрогнуло, когда, разыскав в углу комнаты топорик, она принялась отдиравать крышку гроба. Выражение ее лица не изменилось и тогда, когда крышка поддалась и она увидела внутри ящика Филипа, бледного как смерть и мокрого от пота. Твердой рукой миссис Торп вытащила кляп у него изо рта, перерезала топориком ремни и веревки и все так же молча отступила назад, давая ему возможность выбраться наружу.

Первым делом Филип опустился на колени рядом с неподвижным телом Ходжеса. Наклонив голову, он прислушался, стараясь уловить звук дыхания, потом просунул руку под толстый шерстяной пиджак. Наконец он поднял голову. Женщина, не дрогнув, встретила его взгляд.

– Он мертв, – тихо сказал Филип.

– Да, я убила его и не жалею об этом.

Мягкий, певучий голос миссис Торп звучал не громче шепота, но смысл сказанного проник глубоко в душу Филипа. Он понял.

– Но... это же убийство!.. – пробормотал он растерянно.

– Я не жалею, – повторила она. – Если бы у вас была сестра, она поступила бы точно так же.

– Сестра?.. – машинально повторил Филип.

– Или жена, – откликнулась миссис Торп, плавным движением опустив руку ему на плечо. – Если бы у вас была жена, разве не ожидали бы вы от нее чего-то подобного?

Ее голос, ее мягкое прикосновение заставили Филипа вспомнить, как некоторое время назад в маленькой хижине далеко на севере он сам едва не убил человека за нечто гораздо меньшее, чем то, чему только что стал свидетелем. На мгновение ему даже показалось, что эти обращенные к нему слова были произнесены другим голосом – далеким, молящим, – голосом женщины с озера Бейн, которая едва не стала причиной похожей трагедии, с поправкой разве что на пол главного действующего лица. Нет, он не стал бы обвинять полковника Беккера, если бы тот убил Бака Ному, защищая свою честь и честь своей жены. А сейчас перед ним стояла женщина, которая совершила убийство, защищая себя и своего мужа. Хотел бы он, чтобы точно так же действовали его сестра или его жена – если бы они у него были? Хотел бы он, чтобы миссис Беккер – женщина, которую он любил, – поступила так же, как миссис Торп? Разве не любил бы он ее в десять – нет, в сто раз сильнее, – если бы она совершила столь же смелый поступок?

Поднявшись на ноги, Филип перевел дух и постарался взглянуть на происшествие непредвзято, отрешившись от мыслей о справедливости и всего, что могло ему помешать. Торжество любви, радость в глазах миссис Торп, ее женственность и сила – все это не должно на него влиять, думал он. Ведь существует закон...

– Теперь я понимаю, – проговорил Филип медленно. – Вы устроили так, чтобы меня доставили сюда, пусть довольно странным способом и против моей воли, чтобы я увидел и услышал то, что было здесь сказано, и мог впоследствии дать показания в вашу пользу и в пользу вашего мужа. Но с другой стороны...

– Да нет же, все не так! – воскликнула она, словно заранее зная, что он собрался сказать. – Мне казалось – если Ходжес выдаст себя и свои намерения, если он будет знать, что через вас всем станет известно, как он пытался разрушить нашу семью, как предлагал освободить моего мужа в обмен на... – тут она отчаянно покраснела, – в обмен на мою благосклонность, он не посмеет причинить нам никакого вреда. Ведь вы сами все слышали и должны понимать!.. Он не стал бы действовать, боясь огласки, и тогда моего мужа освободили бы. Но теперь...

– Теперь вы его убили, – заключил Филип.

В его голосе она не услышала сочувствия. Это был бесстрастный, холодный голос представителя закона, который предъявлял обвинение преступнику, и миссис Торп, низко опустив голову, спрятала лицо в ладонях.

Филип некоторое время смотрел на нее, потом потуже затянул пояс с патронами и револьвером, надел шапку и осторожно коснулся руки миссис Торп.

– Вам известно, где держат вашего мужа? – спросил он. – Я отведу вас туда. Сегодня вы сможете побыть с ним.

Она вскинула голову и просияла:

– Конечно я знаю! Я...

– Тогда идемте.

Они вышли на улицу, и миссис Торп отвела Филипа к мрачному бревенчатому сараю без окон, который стоял ярдах в ста от дома начальника строительства.

– Это наша местная тюрьма, – шепотом сообщила она. – Мой муж здесь.

У двери сарая стоял охранник, закутанный в огромную медвежью шубу. В свете луны он сразу узнал форменную одежду Филипа.

– У меня приказ инспектора Макгрегора, – сказал Филип, протягивая охраннику бумаги. – Согласно этому приказу я принимаю на себя всю ответственность за арестанта. Сегодняшний вечер миссис Торп проведет с мужем.

Охранник пробежал письмо глазами и отпер замок. Дверь отворилась, миссис Торп вошла в сарай. Филип уже собирался идти прочь, когда услышал хриплый мужской вскрик, больше похожий на всхлип, – удивленный, исполненный страдания. Потом тяжелая дверь сарая затворилась – и наступила тишина.

Спустя пять минут Филип снова оказался в комнате, где лежал на полу труп Ходжеса. Если бы кто-то видел молодого человека сейчас, он бы удивился произошедшей с ним перемене. Лицо Филипа налилось кровью, крепкие зубы были оскалены, а взгляд пылал ненавистью. Первым делом он накрыл труп одеялами, чтобы не бросался в глаза, потом огляделся по сторонам. На стене висели теплый комбинезон и меховая парка Ходжеса, и Филип, сняв их с крючка, быстро переоделся, дополнив маскарад меховой шапкой, которую надвинул на самые брови. Бросив на себя короткий взгляд в зеркало, Филип поднял воротник повыше и вышел в холодную зимнюю ночь.

Вскоре он снова был возле тюрьмы. Охранник расхаживал из стороны в стороны по протопанной дорожке перед входной дверью. Спасаясь от холода, он натянул шапку из шкуры волка на самые уши и не слышал, как Филип подкрался к нему сзади. Лишь в последнюю секунду он что-то почувствовал, обернулся – и увидел наставленный на него револьвер.

– Руки!.. – негромко приказал Филип.

Застигнутый врасплох охранник повиновался.

– Вздумаешь сопротивляться или поднять тревогу – и я тебя убью! – с угрозой прохрипел молодой человек. – Руки назад... да, вот так.

С проворством и сноровкой, приобретенными под руководством сержанта Моды, Филип связал запястья охранника обрывком ремня, которым сам еще недавно был привязан к гробу, и заткнул парню рот тряпкой, которая служила кляпом ему самому. Еще раньше он заметил, что ключ от двери охранник держит в кармане шубы. Завладев ключом, Филип усадил пленника на снег за углом сарая, связал ему ноги, а потом отпер замок.

Внутри горел свет. Едва переступив порог, Филип увидел обращенные к нему бледные лица мужчины и женщины. Торп полулежал на койке, жена его, похоже, едва успела выпрямиться: одна ее рука все еще обнимала плечи мужа, другая с нежностью касалась его щеки. Прекрасные глаза молодой женщины смотрели на Филипа с вызовом.

Молодой человек шагнул вперед, снял шапку и улыбнулся.

С негромким криком миссис Торп вскочила на ноги.

– Тсс! Тише!.. – Филип поднес палец к губам, потом жестом показал на входную дверь.

Торп тоже поднялся. Филип шагнул к нему и молча протянул руку. Арестант, похоже, еще ничего не понял, но машинально ответил на рукопожатие. Несколько мгновений мужчины, один из которых улыбался, а другой никак не мог прийти в себя от изумления, стояли посреди камеры. Потом Филип услышал позади сдавленное рыдание и обернулся. Стоя в желтом свете лампы, женщина протягивала к нему – к ним обоим – дрожащие руки, и Филип невольно подумал о том, что еще никогда, даже на озере Бейн, не видел никого красивее миссис Торп. В ее взгляде он прочел такую бесконечную благодарность, что невольно смутился и, сделав вид, будто ничего особенного не происходит, шагнул к шаткому столику, на котором лежали перо, чернильница и стопка скверной бумаги.

– Возможно, ваша жена еще не рассказала вам всего, Торп, – проговорил Филип. – Она обязательно расскажет, но чуть позже. А сейчас слушайте меня и не перебивайте.

Достав из кармана скрытого под паркой мундира небольшой блокнот, он заглянул в него, чтобы освежить в памяти адрес, потом подсел к столу, придвинул к себе бумагу и начал писать. Одновременно он говорил, обращаясь к Торпам:

– Мое имя – Филип Стил, и я служу в Северо-западной конной полиции. Мой отец, Филип Эгберт Стил, живет в Чикаго. Он банкир, очень богатый, его состояние оценивается примерно в десять миллионов. Вы отправитесь к нему с максимальной скоростью, какую только способны развить собачья упряжка и пассажирский поезд, и передадите это письмо. В нем я представил вас отцу как мистера Джонсона и прошу, если только он все еще меня любит, помочь вам встать на ноги и обеспечить комфортное существование самой благородной и преданной маленькой леди, какую я когда-либо встречал. Вы меня понимаете, Торп?

Филип поднял голову. Миссис Торп подошла к мужу, который обнял ее обеими руками. В этом положении оба застыли, напомним молодому человеку другую пару в финале драмы, свидетелем которой он стал год назад.

– И еще одно, Торп, – сказал Филип, с усилием взяв себя в руки. – Там, дома, я очень богатый человек. Здесь я всего лишь рядовой Стил из Северо-западной королевской конной полиции, но... вот тут у меня немного наличных и чек на тысячу долларов. Вы должны их взять. Когда-нибудь, если захотите, можете вернуть мне долг. Ну а теперь одевайтесь, да побыстрее! Полагаю, ваши друзья, которые доставили меня сюда из Ле-Па, ждут где-то поблизости с нартами наготове. Как уже было сказано, я всего лишь рядовой конной полиции, поэтому мой долг – отправиться за вами в погоню, но это будет только завтра. И если вы не станете мешкать, я вряд ли сумею вас догнать.

С этими словами Филип поднялся, оставив на столе деньги, чек и письмо к отцу. Миссис Торп неуверенно шагнула к нему, муж последовал за ней. Оба двигались словно оглушенные, и Филип снова поторопил их. Миссис Торп замерла на мгновение, потом опять протянула к Стиллу дрожащие руки, и на ее прекрасном лице появилось выражение, какое – Филип знал это твердо – ему вряд ли удастся когда-нибудь забыть.

Через мгновение он распахнул дверь и исчез.

Глава VIII

Еще одно письмо

Из-за спины связанного сторожа Филип смотрел, как Торп и его жена выбрались из дверей тюрьмы и растворились в темноте. Тогда, предварительно убедившись, что его никто не видит, он втащил сторожа в сарай, запер дверь и, оставив ключ в замке, вернулся в жилище Ходжеса, чтобы сменить его верхнюю одежду на свою. Стоило Филипу оказаться один на один с трупом начальника строительства, как он начал понимать, что натворил. Он не только нарушил свой служебный долг, но и стал соучастником преступления. Филип, однако, не испытывал по этому поводу ни страха, ни сожаления. Прикрутив лампу, так что она почти не давала света, он сел за стол Ходжеса, хладнокровно набил трубку и начал не спеша, во всех подробностях восстанавливать ход событий. В одном Филип был убежден: он не нарушил приказа Макгрегора, ибо следовал голосу своей совести. Ходжес получил то, что заслуживал, а сам Стил спас двух человек – мужчину и женщину. Смущало его только то обстоятельство, что, отдавая ему инструкции, Макгрегор не подумал, что дело может кончиться убийством. И теперь с точки зрения закона он, Филип Стил, был виновен в том, что помог бежать людям, которым, случись им быть пойманными, грозило весьма суровое наказание. Но Торпов не поймают, сказал себе Филип, мрачно улыбнувшись в полутьме. Больше того, никто в Уэкаско не сможет объяснить, что же произошло этой ночью на самом деле.

Он был уверен, что тюремный сторож вряд ли его опознает. Скорее всего, будет утверждать, что Торпов освободил кто-то из их друзей. Что касалось Макгрегора, то... Подумав о начальнике, Филип усмехнулся. В кармане у него лежали два письма со странными приказами, скрепленными собственноручной подписью инспектора, которые могли послужить неопровержимыми уликами против него. Стоит только их кому-нибудь показать, и Макгрегору конец: его ждет отставка, а может, и что похуже. В любом случае, решил Филип, ему самому ничто не грозит, так что он вполне может рассказать инспектору о случившемся в доме Ходжеса.

Еще некоторое время Филип, не выпуская из зубов трубки, сидел в темной комнате наедине с мертвым телом, но думал не столько о Ходжесе, сколько о черепе Дженнета, о Бак Номе и о красивой замужней женщине, которая осталась в фактории на озере Бейн. Если бы только миссис Беккер могла знать, что здесь произошло! И если бы Бак Ном, наверное скрывающийся теперь в глуши где-то на севере, мог видеть мистера Ходжеса, который холодел на полу собственного жилища!.. Для одной это послужило бы еще более суровым наказанием, для другого – новым предупреждением.

Филип, впрочем, не стал долго задерживаться на этой мысли. Стоило ему вспомнить о жене полковника, о том, как она флиртовала с Номом, и перед ним снова, как живое, встало ее исполненное красоты и нежности лицо, каким он впервые увидел его у лагерного костра и пленился навсегда. И в который уже раз Филип подумал, что просто не может поверить, будто такая женщина способна хотя бы на час забыть о своей чести, о репутации верной, любящей жены. Что, если он ошибся? Что, если был ослеплен собственным чувством и отравлен ревностью? А если бы она улыбалась не Ному, а ему, если бы ее щеки вспыхивали прелестным румянцем от его слов, смог бы он вынести ей столь же суровый приговор?

И ответом на этот вопрос перед мысленным взором молодого человека возникло напряженное, побледневшее лицо полковника. У нее есть муж, подумал Филип и хрипло рассмеялся. У нее есть муж, а значит, довольно терзать себя мыслями о том, чего все равно никогда не случится.

В доме Ходжеса Филип оставался еще несколько часов и, только когда за окнами забрезжил серый зимний рассвет, выбрался наружу и скрылся в лесу. Выждав еще немного, он вернулся в лагерь и, завтракая в общей обеденной зале, обмолвился одному-двум случайным собе-

седникам, что провел ночь в Ле-Па. О том, что Ходжес убит, арестант и его жена исчезли, а охранник тюрьмы подвергся нападению неопознанных лиц, стало известно лишь час спустя, и Филип поспешил взять расследование в свои руки. Спрятав подальше профессиональную гордость, он с уверенным видом заявил, что Торпы, несомненно, направились на север, рассчитывая затеряться на бескрайних и безлюдных просторах. Вскоре после обеда Филип двинулся в погоню за беглецами.

На самом деле он отъехал от Уэкаско всего лишь на десяток миль к северу, после чего повернул почти под прямым углом на запад и, преодолев еще миль пятнадцать, взял курс на юг. Прошло три дня, прежде чем Филип появился в Ле-Па. Там он узнал, что Торпа и его жену никто не видел и даже не слышал о них.

Двумя днями позже молодой человек уже входил в кабинет Макгрегора. Едва увидев Филипа, инспектор вскочил из-за стола и буквально бросился к нему навстречу.

– Вы поймали их, Стил?! – воскликнул он. – Несомненно, она... Я хотел сказать: если это они убили Ходжеса, то их необходимо как можно скорее задержать.

Вместо ответа Филип протянул ему смятое письмо.

– Я получил ваши последние инструкции, сэр, – сказал он негромко. – И выполнил их в точности.

Макгрегор пробежал глазами текст и сделался белым, как бумага, которую держал в руках.

– Боже мой! – ахнул он.

Шатаясь, он вернулся к креслу и рухнул в него, закрыв лицо руками. Плечи его несколько раз вздрогнули. Казалось, инспектор плачет, как мальчишка, но Филип не слышал ни звука. Прошло довольно много времени, прежде чем Макгрегор поднял взгляд, и тогда Филип, наклонившись к самому его уху, рассказал обо всем, что произошло в Уэкаско, в доме начальника строительства, и чему он стал свидетелем. Умолчал лишь о том, как застал врасплох охранника и выпустил из тюрьмы Торпа и его жену.

Когда он закончил, Макгрегор протяжно вздохнул. Сжав обеими руками ладонь молодого человека, инспектор сказал:

– Я любил ее, Филип, любил с тех самых пор, когда она была еще девчонкой, а я – рослым и крепким девятнадцатилетним парнем, ее товарищем по играм. Она единственная женщина, которую я любил. Увы, я был намного старше, почти годился ей в отцы. Нам с самого начала не суждено было быть вместе, но... как говорят, сердцу не прикажешь. И когда на днях она пришла просить меня о помощи, я едва не поддался... Именно поэтому я выбрал тебя. Выбрал и дал все необходимые инструкции.

Голос его прервался, словно он подавил рыдание.

– Но в конце концов вы все-таки поддались, – заметил Филип.

Несколько секунд инспектор молча смотрел на него, потом произнес:

– Это случилось десять лет назад, в ее семнадцатый день рождения. Я подарил ей небольшой, отделанный серебром альбом для автографов. На первой странице я написал слова, которые сегодня спасли ее мужа... и ее саму. Теперь ты понимаешь, Филип?.. Я был ее последним шансом, последним козырем, и она блестяще разыграла свою партию. – Он слабо улыбнулся, потом добавил, обращаясь скорее к самому себе, чем к Филипу: – Благослови ее Боже!..

Макгрегор снова склонил свою крупную рыжеватую голову, но почти сразу поднял ее и положил руку на плечо молодого человека.

– Благослови ее Боже! – эхом отозвался Филип.

Некоторое время оба молчали, потом молодой человек проговорил:

– Вы не одиноки в своей беде, инспектор. Я... Вы спрашивали меня, могу ли я устоять перед женскими чарами... Да, могу, но только потому, что моя душа и сердце до краев полны женщиной, которая бесконечно прекрасна и которая мне не принадлежит – и никогда не будет

принадлежать. Я обречен любить ее до конца моих дней, но никогда не смогу признаться ей в своих чувствах. Вот почему другие женщины значат для меня очень мало. Тем не менее я говорю: благослови Боже отважную и благородную душу миссис Торп! Благослови Бог и вас, Макгрегор, и... и я никогда не стану расспрашивать вас, куда она отправилась.

Макгрегор нашел его руку и крепко пожал. Ни тот ни другой больше ничего не сказали, но обоим без слов было ясно, что отныне их связывает клятва верности, которую каждый принес в своем сердце маленькой миссис Торп.

Несколько позднее Филип вернулся к себе в казарму, чтобы отправить на адрес отца письмо для передачи мужчине и женщине, которым помог бежать на юг. На это у него ушло довольно много времени; был уже почти вечер, ранний зимний вечер, когда к нему зашел сержант Моды, который принес почту.

– Тебе письмо, Фил, – объявил сержант, бросив на стол перед ним потрепанный конверт. – Вид у него такой, словно оно побывало на войне.

Когда сержант ушел, Филип взял конверт в руки и удивленно присвистнул, выронив перо. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять: письмо действительно проделало большой путь. Оно было помятым и грязным, углы конверта обтрепались. На обратной стороне конверта он прочел надпись чернилами: «Фактория „Озеро Бейн“». Дрожащими от волнения пальцами Филип вскрыл конверт и, достав письмо, впился в него глазами. Дыхание его участилось, с губ то и дело срывался нечленораздельный вскрик, лицо побледнело. Он прочел еще несколько строк, и бледность на его скулах уступила место легкому румянцу, выдававшему глубокое волнение. Молодой человек еще не дошел до конца, а взгляд его уже затуманился, сердце в груди застучало вдвое чаще обычного. Вот о чем говорилось в письме:

Дорогой мистер Филип Стил!

Сегодня мы получили Ваше письмо и череп. Я благодарю Бога, который привел меня в комнату Изабель как раз вовремя, ибо боюсь даже предположить, что могло бы случиться. Боюсь, дорогой Филип, что урок, который Вы преподали и мне, и Изабель, был чересчур суровым. Впрочем, если кто-то из нас и заслуживает наказания, так это я. В тот вечер, когда мы ужидали в доме агента, Изабель, как Вы помните, была вынуждена уйти к себе в комнату. Я сопровождал ее, чтобы как следует о ней позаботиться, но она настояла на том, что я должен как можно скорее все Вам объяснить. Увы, когда я вернулся в гостиную, Вас там уже не было. Я ждал, потом пошел к хижине, в которой Вы остановились, но не застал Вас там – Вы знаете почему.

Дело вот в чем, Филип. Изабель мне не жена, а дочь.

Да, миссис Беккер действительно собиралась ехать со мной на озеро Бейн. Мы написали об этом агенту из Черчилла, но потом наши планы изменилась. Моя жена вернулась в Лондон на том же пароходе, на котором мы прибыли в Новый Свет, а Изабель отправилась со мной. По дороге она предложила подиутить над агентом и другими местными жителями и притвориться, будто мы... ну, Вы догадались. К сожалению, шутка вышла не слишком удачной. Когда Изабель встретилась с Вами и с Баком Номом, ее затея едва не обернулась трагедией. Те четверть часа перед трапезой, что мы сидели у камина (еще до того, как Вы к нам присоединились), Изабель использовала, чтобы испытать Ному, и после шепнула мне, что он негодяй, каких мало и что она намерена проучить его еще до конца вечера. Ей понадобилось очень мало времени, чтобы понять: в лице Номы она столкнулась с подлым мерзавцем, не имеющим ни малейших представлений о нравственности, – и с одним из самых благородных молодых людей в Вашем

лице. К сожалению, окончательно моя дочь убедилась в своих выводах, только когда увидела, как сильно подействовал на Вас тот небольшой спектакль, который она разыгрывала перед Номом.

Дальнейшее Вы знаете. Охваченная ужасом и стыдом, Изабель была вынуждена покинуть гостиную. Как я уже писал выше, она просила меня рассказать Вам обо всем, поэтому, когда, несколько позднее, я сообщил ей, что не смог Вас найти, Изабель очень расстроилась. Всю ночь она проплакала, и я ничем не мог ее утешить. Я пишу Вам об этом только потому, что дочь для меня – один из двух самых дорогих мне людей. Изабель – мое главное сокровище, она самая нежная и чистая девушка из всех, какие только осеняли мир своим присутствием. Не могу описать Вам, как глубоко и сильно подействовали на нее Ваша посылка и Ваше письмо. Простите нас, Филип. Простите меня. Надеюсь, настанет день, когда мы снова встретимся и это недоразумение окончательно разрешится.

Искренне Ваш,
полковник Сильвестр Беккер

Словно во сне, Филип снова взял в руки разорванный конверт. Какой-то небольшой предмет выпал оттуда на стол, и молодой человек поспешно схватил его. Это был крошечный букет синих фиалок, высушенных, по всей видимости, между страницами книги. Когда Филип поднес его к глазам, он ощутил аромат, совсем слабый, но все же достаточно отчетливый, и увидел, что сухие стебли связаны тонким золотым волоском.

Глава IX

Филип идет по следу

Письмо, цветы, отливающий золотом волос, которым были перевиты сухие стебли... На несколько мгновений Филипу даже показалось, будто он воспарил над землей и оказался в каком-то другом мире, который осознал лишь отчасти, ибо его разум был потрясен полученным известием, которое обрушилось на него с внезапностью и мощью снежной лавины, в одно мгновение переменив не только его мысли, но и самое течение жизни. Не сразу молодой человек понял все значение письма, фиалок, золотого волоса. Только одна мысль, огромная, всеохватная истина, затмевавшая все остальное, владела им, а заключалась она в том, что женщина, которую он любил, не была женой полковника. Она была свободна. А значит, у него, Филипа Стила, появилась надежда. Надежда!..

Потом он задумался, что могут означать эти цветы. Письмо было написано полковником, но сухие фиалки вложила в конверт Изабель, перевязав цветы собственным волосом. Это было ее послание ему, послание без слов, полное, однако, куда большего смысла, большего значения, чем могли выразить любые слова. В одно мгновение нахлынули все памятные картины, которые он с таким упорством гнал от себя, и Филип снова увидел Изабель в свете костра на привале, узрел ее совершенную красоту, которая воплощала для него истинный идеал женщины и возлюбленной.

Рывком поднявшись на ноги, Филип запер дверь комнаты, боясь, что кто-то может войти и помешать его грезам. Он хотел остаться один, чтобы полностью осознать, осмыслить все, что случилось, и попытаться совладать с обуревавшими его чувствами. Если бы Изабель Беккер написала ему несколько слов, пытаясь оправдаться и по-своему объяснить изложенное полковником, Филип, вероятно, по-прежнему считал бы, что их разделяет пропасть. Но вместо этого она прислала ему поблекшие синие фиалки, перевязанные собственным волоском, и это было совсем другое дело!

Довольно долго Филип расхаживал из стороны в сторону по тесной комнатке. Пожалуй, еще никогда она не казалась ему настолько похожей на тюремную камеру. Сейчас им владело только одно пламенное желание – как можно скорее вернуться на озеро Бейн, припасть к ногам любимой и умолять о прощении за то, что посмел усомниться в ее чистоте. Он хотел бы повести ей, как заставил Бака Ному дезертировать, как боролся за нее и как потом сам обратился в бегство, потому что любил... Это и многое другое мог бы обдумать Филип в уединении своей казарменной комнатки, но раздавшийся в коридоре, дерущий слух, как напильник, голос сержанта Моды вернул его к действительности. Торопливо сунув письмо и цветы во внутренний карман мундира, Филип отпер дверь.

Моды решительно вошел в комнату.

– Какого черта ты вздумал запираяться? – проворчал он, внимательно разглядывая лихорадочно пылающее лицо Филипа. – Боишься, что тебя украдут?

– Головная боль замучила, – соврал Филип и в подтверждение своих слов потер лоб и виски. – Порой мне кажется, что мозги перекачиваются у меня в голове чугунным ядром.

Сержант покровительственно похлопал его по плечу.

– Так пойди проветрись на свежем воздухе, Стил, – сказал он почти сочувственно. – Все как рукой снимет. Я только хотел сказать тебе, что мы, похоже, снова напали на след де Бара. Он сейчас где-то в районе озера Ла-Биш, но... об этом поговорим позже. А сейчас тебе лучше пойти прогуляться.

– Спасибо, сержант, – ответил Филип. – Я так и сделаю.

Он действительно вышел на улицу и, обогнув казармы, зашагал по наезженной санной тропе. Он шел все быстрее и быстрее, размышляя на ходу. Надо как можно скорее вернуться

на озеро Бейн – это решение Филип принял мгновенно и без колебаний. Ничто не могло удержать его от этого шага теперь, когда он получил письмо с его драгоценным вложением. И даже если бы послание пришло к нему с другого края земли, это ничего бы не изменило – его решимость нисколько не ослабла бы. Да, он вернется на озеро Бейн, но как это сделать? Филип поневоле задумался. До истечения срока его служебного контракта оставалось тринадцать месяцев. В списках очередников на отпуск он не состоял. Досрочный уход в отставку, да еще по собственному желанию, обычно сопровождался длительной бюрократической процедурой, которая могла занять около трех месяцев, а для него это была почти вечность. Столько препятствий и отсрочек... Что же ему делать? В какой-то момент Филипу пришло в голову, что ему стоило бы поговорить с Макгрегором: инспектор мог найти подходящий предлог и отправить его на север без промедления. Это было в его власти, и Филип не сомневался, что Макгрегор пойдет ему навстречу, однако почему-то не хотел прибегать к этому последнему средству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.